

ДЕТЕКТИВ: НОВЫЙ УРОВЕНЬ

ТЭЙЛОР АДАМС

СМЕРТЬ
НА МОСТУ

Психологический триллер (АСТ)

Тэйлор Адамс

Смерть на мосту

«Издательство АСТ»

2014

УДК 821.111-312.4(73)
ББК 84(7Сое)-44

Адамс Т.

Смерть на мосту / Т. Адамс — «Издательство АСТ»,
2014 — (Психологический триллер (АСТ))

ISBN 978-5-17-139001-3

Три месяца назад Кэмбри Нгуен приехала на машине на отдаленный мост в штате Монтана и прыгнула с высоты двухсот футов, разбившись насмерть. По крайней мере, такова официальная версия полиции. Но ее сестра-близнец Лена не верит в это. Она приехала на тот самый мост на машине своей погибшей близняшки, вооружившись кассетным магнитофоном, чтобы выяснить, что же произошло на самом деле, допросив дорожного патрульного, который обнаружил тело ее сестры. Капрал Раймонд Райсевич согласился встретиться с Леной на месте происшествия, но в его рассказе не все сходится. Почему Кэмбри незадолго до своей смерти сделала шестнадцать попыток позвонить в 911? Почему прислала загадочное сообщение сестре? Лена готова на все, чтобы узнать правду.

УДК 821.111-312.4(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-139001-3

© Адамс Т., 2014

© Издательство АСТ, 2014

Содержание

Часть 1	6
Глава 1	6
Глава 2	17
Глава 3	24
Глава 4	32
Глава 5	36
Глава 6	40
Часть 2	43
Глава 7	43
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Тэйлор Адамс

Смерть на мосту

Роман

Посвящается моим родителям

Taylor Adams
Hairpin Bridge

* * *

Печатается с разрешения Lorella Belli Literary Agency Ltd. и Synopsis Literary Agency.
Исключительные права на публикацию книги на русском языке принадлежат издательству AST Publishers.

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

© Taylor Adams, 2014
© Перевод. М. Жукова, 2021
© Издание на русском языке AST Publishers, 2023

* * *

Эта книга – всего лишь выдумка. Имена, фамилии, действующие лица, описываемые места и события являются плодом авторского воображения или используются как часть авторского вымысла и не должны восприниматься как реально существующие. Любое сходство с реальными событиями, местами, организациями или лицами, как ныне живущими, так и усопшими, является случайным.

Часть 1

Четыре маленьких костра

Глава 1

Лена

– Вы выглядите... как она. Точная копия!

Лена Нгуен многократно слышала это в прошлом и всегда расстраивалась. И с годами она не стала огорчаться меньше оттого, что является ходячей и говорящей тенью своей сестры.

– Вы близнецы?

Она кивнула.

– Однояйцевые, да?

Она снова кивнула.

Что-то изменилось в глазах сотрудника полиции штата, он будто сожалел о сказанном. Словно оскорбил ее, начав разговор не с того.

– Мне... Мне следовало сказать: я очень вам сочувствую. Такая потеря.

Еще один. Лена, придав лицу вежливое выражение, встретила с полицейским взглядом.

– Я даже представить себе не могу, каково это – потерять сестру.

Этого не мог представить никто.

– Нужно жить дальше.

Старая песня.

– Понимаю, эта боль никогда не пройдет. Но со временем она стихнет.

«Так, что-то новенькое», – подумала Лена. Надо будет добавить в список того, что она уже слышала.

Капрал Раймонд Райсевик согласился встретиться с ней на посыпанной гравием парковке, которой пользовались посетители небольшого кафе «Магма-Спрингс» в одноименном городишке и автозаправочной станции «Шелл», примерно в шестидесяти милях от города Мизула. Мимо проходил поток машин – массовое бегство от лесного пожара. Рядом было два поворота с плохой обзорностью и ни одного светофора, поэтому перекресток считался опасным.

Капрал Райсевик внешне напоминал гориллу, втиснутую в песочно-коричневую форму дорожно-патрульной полиции, которая плотно обтягивала его мощное тело. Огромные плечи, бицепсы и милая улыбка. Под глазами – мешки, по цвету напоминавшие уже проходящие синяки. Он пожал руку Лены, явно пытаясь сделать это осторожно – такой-то лапицей!

– Спасибо, что согласились.

– Не за что.

– Я на самом деле это ценю... То, что вы приехали вовремя и все остальное...

У него на губах мелькнула легкая улыбка.

– Моя смена закончилась.

Он долго ее рассматривал, так и не сходя с места. А Лена уже испытывала знакомое раздражение. Она всегда его чувствовала, обсуждая сестру с незнакомыми людьми. Лена давно усвоила этот урок, все прекрасно помнила и выбрала свой путь. Она точно знала, что в эту минуту думал Райсевик, даже до того, как он произнес это вслух. Слова прозвучали словно по сценарию:

– Простите. Мне... Прямо не верится – вы *совсем как она*.

«Тебе не понять, – угрюмо подумала Лена. – Как это ужасно – оплакивать человека, лицо которого каждое утро видишь в зеркале».

– Должно быть, ужасно каждое утро смотреть на ее лицо в зеркале. Каждый день видеть ее в любой отражающей поверхности, даже в зеркале заднего вида. И каждый раз терять дар речи...

Лена молча смотрела на него.

– Мои соболезнования, Лена.

«Да? Может, я тебя недооценила, Рай».

Вдруг она дернулась – ее испугал визг тормозов, сопровождаемый каким-то шипением. Она повернулась – фура вписалась в поворот на слишком большой скорости. На мгновение показалось, что, тормозя, десятитонный грузовик сейчас понесется прямо на них, и внутри у Лены все сжалось. Но водителю удалось справиться с управлением, и огромный грузовик вернулся на свою полосу. Капрал Райсевик смотрел в тонированные стекла проезжающей машины, словно ожидая от водителя извинений.

Но тот извиняться не стал. Снова взревел двигатель, и грузовик погрозотал дальше. Их обоих окатило воздушной волной. Лена смахнула челку с лица, перед глазами, словно пленка в проекторе, пронеслась надпись на боку прицепа: «УКУС ЗМЕИ». Еще мгновение – и грузовик исчез, оставив лишь звон в ушах, песок и пыль во рту.

– Идиот, – буркнул себе под нос полицейский.

«Я и вправду тут, – подумала Лена. – Я и вправду стою прямо тут».

Пыль на зубах – это реальность. После нескольких месяцев ожидания двадцатичетырехлетняя Лена наконец оказалась в Монтане. За много миль от дома. Она продвигается вперед. У нее что-то получается. Прозвучал еще один голос – тихий шепот у нее в сознании: *«Не расслабляйся. Не теряй бдительности. Ни на секунду».*

Лена поймала себя на том, что опять накручивает на указательный палец прядь волос и тянет – эта привычка появилась у нее еще в начальной школе. Она опустила руку. По этому жесту можно было понять, что она нервничает.

Райсевик не обратил на это внимания. Он, прищурившись, смотрел вдаль.

– Отсюда до моста Хэйрпин недалеко, но там ни тени. Солнце палит жутко. Может, вам нужно что-то купить в кафе перед тем, как поедет? Воды?

– Да, сейчас куплю.

– Хорошо, – он кивнул и показал на свою машину. – Я тогда завожу двигатель.

Лена поспешила назад в «Магма-Спрингс», где работал кондиционер. Сегодня она уже сидела там несколько часов, попивая черный кофе маленькими глотками и слушая, как группы пожарных, заходивших перекусить яичницей, обсуждали рабочие проблемы. Она притворилась, что выбирает что-то у холодильника, в котором стояли энергетические напитки и вода в бутылках, а удостоверившись, что капрал Райсевик пошел к своей патрульной машине и за ней не наблюдает, вернулась к столику, где сидела.

Там стоял ее ноутбук. Она трижды проверила, подключен ли кабель питания, а также подсоединение к ресторанному роутеру. Все работало отлично.

– Еще раз спасибо, – поблагодарила она женщину за стойкой. – Я скоро вернусь.

– Скачиваете что-то для курсовой работы? В колледже задали?

– Что-то вроде того.

Она поехала за полицейским на восток по автостраде МТ-200. Пятнадцать минут они мчались по дороге со свежеложенным асфальтом и смотрели на затянутый дымом горизонт.

Затем Райсевик неожиданно повернул направо, через две полосы, словно появившийся поворот удивил его самого. Лене пришлось резко нажать на тормоза, аж шины заскрипели.

Райсевик махнул из окна рукой, словно хотел извиниться.

Дорогой, на которую они свернули, похоже, никто не занимался уже несколько десятилетий. Опаленный солнцем бетон потрескался, и сквозь трещины проросли сорняки. Разметка потускнела. Над запертыми металлическими воротами висела выцветшая табличка: «ВЪЕЗД ЗАПРЕЩЕН». Капрал Райсевик знал код наизусть. Заперев ворота, он поехал на скорости семьдесят пять миль в час, на пятнадцать миль превышая допустимую. Лена задумалась, не проверяет ли он ее. Может, хочет выписать ей штраф? Это был бы идиотский поступок.

Она последовала за ним на той же скорости, тоже устроит ему проверку.

Лена ехала в полной тишине. С самого утра, как она выехала из Сиэтла, никакой музыки и подкастов – для подсоединения к динамикам у нее не было нужного провода. Она боялась даже прикоснуться к CD-плееру или настройкам радио, потому что это была не ее машина.

Это была машина Кэмбри.

Раньше была машиной Кэмбри.

Ехать в машине умершей сестры-близняшки невыносимо. Отец с заплаканными глазами убедил Лену забрать эту машину – «Тойоту Короллу» 2007 года выпуска, в которой ее сестра фактически жила. Она оказалась одной из немногих вещей, оставшихся от Кэмбри, и было бы неправильно ее продавать. Может и так. Но сегодняшнее путешествие в сухие предгорья округа Хауард в Монтане стало самым длинным для Лены.

Она ничего не меняла. Все осталось на своем месте. Пустая бутылка из-под газировки объемом тридцать две унции в держателе для чашек. На бутылке изображен супергерой, который уже сошел с экранов. Красный автомобильный холодильник, забитый сгнившей едой. Запасной аккумулятор, воздушный компрессор, грязный ящик с инструментами. На заднем сиденье все самое необходимое для жизни в машине: вещевой мешок со сложенной одеждой, которая все еще пахла Кэмбри, пакеты с замком зип-лок, в каждом отдельно хранились дезодорант, зубная паста и жидкость для полоскания рта. В багажнике – двухместная палатка, электрогриль и идеально уложенный спальный мешок. Так плотно скатать спальный мешок у Лены никогда не получалось. Никогда.

«Я не просто сижу за рулем ее машины, – поняла она где-то между Споканом и Керд'Аленом, почувствовав в душе одновременно боль и пустоту. *– Я еду в ее доме».*

Лена была городской девушкой и не могла не восхищаться спартанским образом жизни сестры-близняшки. Клейкая лента на руле. Торчащие провода, свидетельствующие о том, что Кэмбри отремонтировала автомобильный прикуриватель сама. Разбросанные по всему салону ароматические салфетки (как Лена догадалась – чтобы избавиться от неприятных запахов). Что-то переставить или выбросить из этого сокровенного места, где сестра прожила больше девяти месяцев, значит серьезно оскорбить память о ней.

Поэтому все осталось, как и было.

Даже заплесневевшая еда в автомобильном холодильнике. Даже бутылка из-под газировки рядом с ее сиденьем, от которой после нагревания на солнце стало сладко пахнуть. Три месяца назад к ней прикоснулись губы Кэмбри. Может, на ней все еще остались следы ДНК.

«Вы выглядите совсем как она».

Лена удивилась, что капрал Райсевик не узнал машину сестры. Он же нашел ее в тот вечер, когда и труп Кэмбри. Разве он не запомнил машину?

Его патрульная машина продолжала нестись вперед – теперь скорость приближалась уже к восьмидесяти милям в час. Лена вдавила педаль газа и тоже увеличила скорость. Дорога шла вверх в предгорья. На неровном бетоне машину потряхивало. В некоторых местах справа виднелись глубокие ужасающие обрывы. Лена подумала: на большинстве дорог смерть поджидает

совсем близко. Тут и дорожные ограждения не помогут. Встречная полоса и ущелье совсем рядом. Чуть отклонишься, свернешь в сторону и... Она попыталась об этом не думать.

Здесь сосны были выше – достигали шестидесяти, семидесяти футов. Выжженные солнцем ветки казались ломкими, а земля под ними была усыпана коричневыми иголками и сухим можжевельником. Миллиону акров леса было достаточно всего лишь одной искры. Рельеф менялся и вдали возвышался...

Она почувствовала ком в горле.

Вот он. Он уже показался над пологими холмами, неровный и неприветливый, полностью сделанный человеком. Ископаемые останки, поднявшиеся из земли.

«Господи, вот он».

Лена увидела это строение. Внутри все сжалось. Коричневые от ржавчины, его подпорки, заклепки, перекладины освещались ярким солнечным светом. Приближаясь к нему по разбитой дороге ближе, она его видела все отчетливее. Лена знала, что теперь ей никуда не деться, а ее судьба и судьба капрала Райсевика сплелись на этом мосту. Назад пути не было.

На мгновение мост скрылся за еще одним бугром, поросшим сухими соснами. Лена постаралась успокоиться, привести нервы в порядок. После первой встречи с врагом план сражения всегда корректируется, так?

Звучит ободряюще, но все же...

«На фотографиях он казался меньше».

ДО МОЕГО ОТЪЕЗДА

Пост от 20 сентября 2019 года Лены Нгуен

Все начинается с моста.

Опасного стального монстра с крутым поворотом на южном съезде, длиной шестьсот футов, протянувшегося над мрачной долиной на окраине обанкротившегося шахтерского городка. После строительства автострады федерального значения он стал абсолютно не нужен. Возвышается в семидесяти милях от Мизулы. Если говорить о мостах, то этот можно назвать полным провалом, и он сам это прекрасно знает.

Именно здесь умерла моя сестра.

Предположительно.

Дорогие читатели, простите за столь невеселую тему. Знаю, этот пост отличается от того, что я обычно пишу для «Огней и звуков», кого-то из вас это расстроит. И я очень ценю ваши добрые слова и пожелания в «Фейсбуке» и «Инстаграме»¹ на протяжении последних месяцев, когда я, так сказать, находилась в самовольной отлучке (по очевидным причинам). Да, я вернулась в блогерское дело, но не совсем так, как вы, возможно, ожидали. Я приготовила сногшибательный пост, поэтому, как говорится, пристегните ремни.

Но до того, как вы начнете его читать, предупреждаю.

Это не мой обычный пост. Это не обзор книги, фильма или видеоигры. Это не монолог на политическую тему (хотя год для этого выдался подходящий). Это не поэзия, не юмористическая зарисовка, не фотография, не долгожданная одиннадцатая часть коротких видеороликов на тему «Товары в розницу». Именно этот пост мне нужно опубликовать здесь, в «Огнях

¹ Социальные сети «Фейсбук» и «Инстаграм» принадлежат компании Meta, которая признана экстремистской, и ее деятельность на территории России запрещена.

и звуках», для моих нетребовательных, но увлеченных читателей (для вас), и скоро станет понятно почему. К тому времени, как вы закончите это читать, в зависимости от вашего часового пояса, меня, возможно, покажут во всех новостях страны. Заранее простите, если это испортит ваш день. Хорошо? Договорились.

Итак, поехали.

Я провожу эту субботу на мосту Хэйрпин, также известном благодаря своей форме как Шпилька. Завтра утром на рассвете я сяду в машину Кэмбри и проведу за рулем семь часов – поеду на восток, в маленький городок под названием Магма-Спрингс, чтобы встретиться с местным полицейским, патрулирующим дороги, по имени Раймонд Р. Райсевич. Да, это его настоящее имя и фамилия (очевидно, в то время, когда родители подбирали имя, Р была самой популярной буквой). В письме, отправленном по электронной почте, он любезно согласился показать мне, горюющей сестре, точное место, где три месяца назад он нашел труп Кэмбри.

Что касается моста Хэйрпин... Дорогие читатели, ничего не вспоминаете? Вы вполне могли слышать про эту Шпильку. Это архитектурная аномалия. Его странная форма объясняется окружающими долину каменными стенами. На южном съезде потребовалось своеобразным образом его закрутить и получилась петля, по которой словно едешь назад – по виду мост напоминает гигантскую металлическую шпильку. У моста есть еще одно название, но я не стану его тут упоминать. Если честно, мне не нравится, что мост ассоциируется с Кэмбри. И еще мне не нравится, что ее имя теперь навсегда связано с этим названием в поисковике. Поэтому я не собираюсь его использовать.

Говорят, на мосту Хэйрпин живут призраки.

Предположительно (привыкайте к этому слову).

Здесь наблюдаются паранормальные явления. Говорят, что вокруг опор моста Хэйрпин происходит искривление пространства и времени, а когда вы по нему проезжаете, прошлое и настоящее могут переплестись. Это что-то типа преломления света при прохождении через грязную линзу.

Знаю, что вы сейчас подумали. Я не утверждаю, что мою сестру убили призраки. Правда. Но в июле в какой-то момент я рассматривала и такую возможность. Некоторое время я зачитывалась присланными историями об искажении хода времени и увиденных призраках. Я прослушала все аудиозаписи, сделанные людьми, которые, по их утверждениям, уловили призрачный шепот: «Помоги мне» или «Уходи отсюда». Я даже прочитала книгу, изданную за счет автора, некоего Рипли, который под этим мостом провел ночь (спойлер: он выжил).

Это смешно, но в таком состоянии я оказалась после неожиданной смерти сестры. Словно в яму свалилась. Во время свободного падения становишься сам не свой. Пытаешься найти объяснения, хватаясь за самые неправдоподобные факты. За мифы, преступные заговоры, **что угодно**, только бы найти смысл там, где его нет.

Теперь я думаю, что наконец-то нашла его.

(Нет, речь не о призраках.)

И вот туда я и еду, дорогие читатели. Именно поэтому я, жительница Сиэтла, в данный момент попивающая маленькими глотками латте, завтра утром собираюсь к ужасно некрасивому мосту в богом забытом месте. Именно поэтому я пишу этот пост. Именно поэтому мне нужна только правда, чистая правда от капрала Райсевича.

И я готова на все.

Я должна знать.

Кэмбри, что с тобой случилось?

Он ждал ее на мосту, припарковав черную патрульную машину справа, у низкого дорожного ограждения, на котором облупилась краска. Но Лена знала: место, где они останутся, совершенно не имеет значения. Мост Хэйрпин – мертвая трасса. Они не заблокируют движение, потому что его просто нет.

На южном съезде, как раз за поворотом, благодаря которому мост стали называть Шпилькой, бросался в глаза выцветший на солнце дорожный указатель. Прочитать информацию на нем полностью было невозможно. Там говорилось что-то про ненадежность моста, что его давно не проверяли. Но охотников за приведениями это все равно не остановило. Недавно кто-то взял баллончик черного цвета и добавил:

«ВСЕ ДОРОГИ ВЕДУТ СЮДА».

Надпись показалась Лене на удивление подходящей.

Она припарковалась в нескольких ярдах перед машиной полицейского, чтобы оставить себе путь к отступлению. Возможно, сбегать придется быстро. С минуту она не выключала двигатель «Тойоты», сделала глубокий вдох и задержала дыхание. Путь из Магма-Спрингс занял примерно столько времени, сколько она и планировала. Теперь она на месте, но осознала, что не была готова к этому.

«Кэмбри, я приехала».

Лена посмотрела на погнутые очки сестры на приборной доске. На царапины на линзах. «*Неужели я и вправду приехала?*»

Она посмотрела в боковое зеркало и увидела, что капрал Райсевич стоит у своей машины, опершись локтем на дверцу, и притворяется, что занят болячкой на запястье, а не ждет ее. Очень тактично с его стороны. Он уже удивил ее своей чуткостью. Наверное, так повлияла на него работа – определенно, за годы службы он многократно сообщал родственникам плохие новости. Но Лена подозревала, что дело не только в этом. Он сам тоже кого-то потерял. На нем была метка, как и на ней – еще один член этого ужасного клуба. Жenu? Ребенка?

Она ощутила боль в легких и поняла, что все еще задерживает дыхание.

Лена заглушила двигатель и тут же об этом пожалела. Можно было бы еще посидеть. Райсевичу все равно. Теперь он смотрел на нее сквозь черные солнцезащитные очки и да, обратил внимание, что Лена приехала на голубой «Тойоте Королле» Кэмбри. Близнец жертвы за рулем машины жертвы. Приехала на место гибели сестры, этакий доппельгангер². Жуть.

Может, это его и беспокоило, но виду он не подал. Райсевич слегка кивнул Лене, словно говоря: «Вот это место».

«*Очевидно, что оно*».

Она вылезла из машины. Солнце тут припекало гораздо сильнее. Миражи мерцали у покрытого бетоном полотна дороги, чем-то напоминая рябь на воде. В воздухе – ни ветерка.

– Отсюда виден огонь, – Райсевич показал на север. – Четыре тысячи акров в районе Черного озера, пожар распространяется дальше, остановить его пока не удастся...

– Он придет к нам?

– Только если поменяется ветер.

В таком случае лесной пожар Лену не интересовал. Ей было о чем подумать. Но темный дым, поднимавшийся на милю вверх и напоминавший грозовую тучу, выглядел внушительно. Казалось, что на горизонте наступает конец света – апокалипсис в замедленной съемке.

² *Доппельгангер* – двойник человека, появляющийся как темная сторона личности, или антитеза ангела-хранителя в литературе эпохи романтизма. – (Здесь и далее примеч. пер.).

– Знаете, я никогда не понимал, почему этот мост называют Шпилькой, – задумчиво произнес Райсевик. – Да, я вижу вон там крутой поворот, но, честно говоря, этот мост как из «Марблворкс». Такой детский конструктор, знаете?

– Да.

– Прямая деталь с изогнутым крюком на конце, – он показал пальцем. – Похоже? Я его так воспринимаю. А не как шпильку.

Мост Марблворкс. Почему-то такое название таинственно совсем не звучало.

– Вы сами много играете в «Марблворкс»?

– Всем нужно хобби.

На мгновение он показался ей обыкновенным человеком. Это было мило. Но это также было абсолютным враньем.

– Вы приехали... на ее машине, – наконец он произнес это вслух.

– Да.

Он печально посмотрел на задние фары.

– Узнаю ее.

– Не возражаете, если я буду все записывать?

– Не понял?

Она спросила не сразу. Тянула до момента, пока они не окажутся на мосту. Она считала, что отказать на месте смерти сестры ему будет труднее. Лена кивнула на машину.

– Я привезла с собой старый магнитофон. Вы будете смеяться, но мне посоветовали... все важное записывать.

Райсевик не ответил. Думал.

– Я и раньше начала записывать, – она печально улыбнулась. – На видеокамеру я засняла похороны.

– И смотрели?

– Несколько раз.

Он скорчил гримасу, словно спрашивая: «Зачем?»

– Мы не умираем, когда останавливается сердце. Мы умираем, когда о нас забывают. Моя сестра больше не человек из плоти и крови. Она – мысль, образ. Я ношу этот образ в себе. Поэтому мне нужно сохранить любой оставшийся от нее след, каждое слово, запах, звук.

– И даже не самое приятное?

– Да.

– Даже похороны?

– Мне кажется, что она рядом. Словно ненадолго отошла.

«Это словно расковырять болячку, – хотелось добавить. – Болячка заживает, и ты о ней забываешь – что ужасно. А если расковырять, то снова с болью о ней вспоминаешь.

Так и я себе напоминаю».

Райсевик вздохнул. Потом кивнул.

– Хорошо. Записывайте.

Лена вернулась к «Тойоте», переживая, вдруг она прокололась. Кто именно посоветовал ей записывать? Психотерапевт? После неожиданной смерти можно обратиться и к адвокату. И Райсевик это прекрасно знал. Она нагнулась и достала из машины громоздкий черный магнитофон «Шубокс».

Вставив кассету, Лена нажала на нужную кнопку.

– Проверяю, как работает, – пояснила она.

– Их до сих пор выпускают?

– Это магнитофон Кэмбри. Еще из детства.

Райсевич больше не задавал вопросов, а только смотрел, как Лена ставит устройство на капот «Тойоты». Сквозь прозрачную пластиковую крышку было видно, как в кассете начала двигаться лента.

– Спасибо, капрал Райсевич, – произнесла Лена, на этот раз громче, чтобы микрофон все уловил.

– Называй меня Рай.

– Спасибо, Рай, – Лена посмотрела на него. – Пожалуйста, начни с того момента, как ты нашел ее тело.

– Я приехал по вызову к воротам, сквозь которые мы сюда заехали. Кто-то использовал болторез, чтобы перерезать цепь.

– Такое бывало?

– Подобное происходит пару раз в год. Через этот путь водители грузовиков срезают дорогу – так ехать на час меньше. Это было вечером седьмого июня. Около одиннадцати. А когда я проехал вон тот поворот, приближаясь к мосту, то увидел здесь голубую «Тойоту».

– Припаркованную где? Можешь показать точное место?

– На самом деле... – он запнулся. – На самом деле там, где ты сама только что припарковалась.

Внутри появилось нехорошее предчувствие, но Лена тут же решила не обращать на него внимания.

«Совпадение».

– Я чуть не врезался в нее, – продолжал полицейский. – Резко нажал на тормоза, кофе разлилось на мою рацию. Вон видны следы от шин.

И это на самом деле было так – там на дороге, куда он показал, остались немного петляющие поблекшие следы. По цвету – как черная лакрица.

– Я подошел к «Тойоте» Кэмбри, теперь твоей, в 23:44. В ней никого не оказалось. Словно машину бросили просто так. Непохоже, что в нее кто-то забирался. Дверца со стороны водительского места была широко распахнута. Аккумулятор разряжен. Пустой бак, – Райсевич колебался, он явно чувствовал себя глупо. – Но ты же все это знаешь...

– Прошу, нужна каждая деталь.

– Я проверил весь мост до конца, осмотрел деревья, искал костры или свет фонариков. Затем сел в свою машину и связался по рации с коллегами, чтобы проверить номерной знак. Это было в 23:51.

«Как точно он знает время, – отметила про себя Лена. – Он все изучил».

– Я помню, как стоял рядом с машиной, пока наш диспетчер проверял номерной знак по базе данных, и собирался с мыслями. Салфеткой стер кофе со штанов, поднял голову, посмотрел на усыпанное звездами черное небо, и у меня появилось ужасное чувство, словно... Словно что-то не так. Я не знаю, как еще его описать. Я стоял на этом мосту, а ощущение, словно одной рукой залез в утилизатор отходов, а другой пытаешься починить кнопку включения. Понимаешь, о чем я?

Нет, Лена не понимала, но все равно кивнула.

«В призме моста Хэйрпин смешалось не только прошлое и настоящее, – вспомнила она прочитанное. – Здесь также переплелись жизнь и смерть».

– Каким-то образом я просто... – Райсевич закусил губу. – Наверное, сработала та особая интуиция, которая развивается у полицейских. Что-то мне подсказывало, что нужно опять вылезать из машины на холод – для июня было холодно – и взглянуть вниз, за ограждения. Что-то подсказывало, что исчезнувший водитель «Тойоты»... будет там, внизу.

– Мост Самоубийц, – прошептала Лена.

– Что?

– Мост Хэйрпин, он же мост Самоубийц.

– Не понял...

– Он фигурирует во многих рассказах о призраках, – Лена накрутила прядь волос на палец, смутившись из-за того, что использовала слово «призрак». Не стоило их упоминать. – Об этом пишут в Интернете, фанатики, любители паранормального... Говорят, что с этого моста прыгнуло несколько водителей. Пять или шесть самоубийств в восьмидесятые годы. Этого хватило, чтобы он приобрел вполне определенную славу – как место, куда тянет одиноких, измученных проблемами, неуравновешенных людей, чтобы свести счеты с жизнью.

– Хм, – полицейский пожал плечами. – Никогда об этом не слышал.

– Как лес в Японии.

– Об этом тоже никогда не слышал, – Райсевич подошел к ограждению и положил на него свои большие ладони. Лена заметила на них бугорки мозолей. – Я стоял вот на этом месте, когда увидел Кэмбри.

Лена содрогнулась.

Райсевич показал пальцем прямо вниз, на мозаику из бледных валунов далеко внизу. Арройо³ было усыпано большими и маленькими камнями, которые приносило в те сезоны, когда по этому руслу неслись воды Сильвер-Крика. Внезапные, иногда катастрофические ливневые паводки бывали в марте, а в июле наступала засуха.

– Где?

– Вот здесь.

Лена подошла к ограждению и попыталась представить тело Кэмбри, лежащее там внизу, как часть мозаики. Переломанное, безжизненное, словно кукла. В двухстах футах под ними. Но это она пыталась представить уже на протяжении нескольких месяцев. Теперь Лене нужно было узнать больше деталей.

– Она лежала на спине? Или на животе?

– На боку.

– На правом или левом?

– На левом.

– А кровь была?

Райсевич повернулся к ней.

– Не понял.

– Ты видел кровь?

– А как это поможет?

– Я хочу знать все, – Лена пыталась смотреть ему в глаза, не моргая. – Все неприятные, ужасные детали. Если я не узнаю их, то и дальше буду представлять все те ужасы, что лезут мне в голову по ночам, когда не могу заснуть. А это гораздо хуже. У меня в воображении незаконченная картина, а я терпеть не могу незаконченные дела. Мой мозг не дает мне покоя, пытаюсь заполнить пробелы.

Лена не была уверена, что полицейский ей поверил.

– Это подобно монстру из фильмов, – она решила использовать другую тактику. – Пока ты не видишь чудовище, оно кажется ужасным. Но когда ты четко видишь его при дневном свете, оно словно лишается силы. Становится знакомым.

– Все зависит от чудовища.

– У меня очень богатое воображение, Рай.

– А твой... – Райсевич прищурился. – Твой психотерапевт дал добро на подобные вопросы?

– Я знаю, о чем спрашиваю.

– Уверена?

³ Арройо – сухое русло в пустынных долинах.

– Уверена.

– Точно?

– Точнее не бывает.

Райсевич вздохнул и отвернулся.

– Мне становится не по себе.

– Это тебе-то становится не по себе?

– Кэмбри умерла в результате падения с этого моста, – резким тоном сказал он. В окружающей тишине его голос прозвучал очень громко, и Лена непроизвольно отпрянула назад. Она всегда пугалась, когда мужчины повышали голос. – Я не стану делиться никакими жуткими подробностями о состоянии ее тела после самоубийства, потому что не считаю это необходимым и пристойным. Понятно?

У Лены было ощущение, будто ее отругали. Несмотря на все усилия, на глаза навернулись слезы. *«Держись! Не расклеивайся!»*

– Увидев тело твоей сестры, я позвонил в скорую и пешком спустился вниз, чтобы оказать помощь. Как я и ожидал, пульс не прощупывался. Она не дышала. Тело лежало там по крайней мере день.

«Не плачь». Лена прикусила губу.

– Такая смерть... быстрая. Мозг не успевает ощутить боль. Это подобно выключателю внутри тебя – срабатывает за микросекунду. Какие бы у нее ни были проблемы шестого июня... – он выдохнул, снова посмотрел на нее и добавил более мягким голосом: – Лена, твоя сестра не страдала.

Она напряглась, у девушки было такое чувство, словно по спине между лопаток провели ледяным пальцем. Капрал Райсевич впервые назвал ее по имени. Лучше бы он этого не делал.

«Твоя сестра не страдала» тоже оказалось новой фразой среди тех, которые ей приходилось слышать. Когда кто-то прыгает с моста, обычно ни у кого не хватает наглости заявлять, что этот человек не страдал.

Лена попыталась сосредоточиться на текущем моменте. На том, что происходило здесь и сейчас, на себе и Райсевиче. Но пребывание на том самом месте происшествия оказывало странное влияние. Ее беспокойный разум все время возвращался к случившемуся, пытаясь восстановить детали: *«Шестое июня. Спустились сумерки. Воздух потрескивает от электричества. Кэмбри Линн Нгуен в одиночестве едет на машине по перекрытой дороге. Проехав неизвестное расстояние из неизвестного места, она добирается до моста. И останавливает здесь машину»*.

Как раз на том месте, где Лена неосознанно припарковала ту же машину. Странное и пугающее совпадение.

«Она выходит на прохладный воздух. Уже девять часов вечера. Двигатель оставляет включенным, дверцу распахнутой. Идет к краю моста, прямо сюда...» – Лена ухватила за ограждение обеими руками, может, в тех самых местах, где три месяца назад за него держалась Кэмбри. – *Перелезает через ограждение, вначале перекидывает одну ногу, потом другую. И делает шаг вниз. Или, может, вначале висит на пальцах, прежде чем разжать их. Или, может, лихо прыгает в пустоту, как она это умела.*

Она летит вниз – двести футов.

И на скорости ударяется об усыпанное камнями сухое русло...»

– Кошмар! – прошептала Лена.

А что еще можно было сказать? Райсевич отступил назад, чтобы оставить ей побольше места у ограждения.

Теперь очередь вопросов. Вопросы, которые Лена без конца прокручивала у себя в голове – царапающиеся, раздирающие на части, умоляющие выпустить их наружу: *«Что ты здесь делала? Куда ехала? Почему остановилась? Почему вылезла из машины именно в этом месте,*

на этом пустынном мосту?» И этот, ставший традиционным, ужасный рефрен: «Почему ты покончила с собой? Почему ты это сделала?»

– Мне очень жаль, – прошептал Райсевик у нее за спиной. Но его голос звучал странно, с каким-то металлическим отзвуком, словно проходил огромное расстояние по телефонным проводам. Лена видела только пустоту у себя под ногами, овраг глубоко внизу, широкое сухое русло Сильвер-Крика, усыпанное камнями и поваленными белыми деревьями.

«Кэмбри... О чем ты думала в последние часы своей жизни?»

Глава 2

История Кэмбри

«Господи, хоть бы мне не умереть сегодня», – подумала Кэмбри.

Увидеть сову днем – дурной знак. Она не помнит, откуда это знает.

Сова сидит на ветке, напоминая садового гнома. Это виргинский филин. Из-за торчащих на голове перьев, которые напоминают рога, на фоне голубого неба вырисовывается дьявольский силуэт. Эти рога нарисовать труднее всего – главное, не переборщить. Кэмбри рисует чернилами, не карандашом, и рисунок уже испортила – несчастная сова получился похожим на Бэтмена. Кэмбри хочется вырвать страницу и начать сначала.

«До встречи с тобой я о смерти и не думала. А сейчас чувствую, твой портрет меня доканает», – думала Кэмбри.

Внизу, в кемпинге, тихо.

Точнее, тихо было, пока полминуты назад на «Форде Эксплорере» не приехала пара. Теперь Кэмбри слышит тихие голоса, шуршание палатки, застегивание молний, открывающиеся и закрывающиеся дверцы машины. Она пытается сосредоточиться на рисунке. Сова смотрит на прибывших, она, вероятно, тоже не в восторге.

Пара спорит. Кэмбри сидит на пригорке в зарослях полыни, в пятидесяти ярдах над лагерьем, и оттуда слов не разобрать, но сами голоса слышны. Ритм. Они говорят то громче, то тише, друг на друга ворчат, огрызаются. Мелодия конфликта. Она знает каждую ноту.

Мужчина достал из «Форда» автомобильный холодильник и демонстративно кинул его на землю.

Высовывая язык, – эта привычка появилась у нее лет в пять – Кэмбри продолжает работать над рисунком совы, ее ушами Бэтмена и всем остальным. Вдруг не все потеряно. Если уши сделать перекрестной штриховкой, то сложится ощущение, что они увеличены специально. Натурщица утратила интерес к приехавшей паре и снова не сводит своих ярко-желтых глаз с Кэмбри. От этого настороженного взгляда Кэмбри не по себе.

Хлопнула дверца багажника «Форда». Пара пошла в кемпинг. Их голоса исчезают среди сосен.

Кэмбри вспомнила, как в восьмом классе они ходили в музей. Экскурсовод рассказывал о коренных жителях Америки, те считали сов предвестниками смерти. Стражники загробного мира, покидающие его в дневные часы, чтобы встретить и сопроводить души усопших. И вот один из этих стражников все еще внимательно и странно рассматривает ее глазами-лунами.

Снова тишина. Пара исчезла.

Наконец-то.

Кэмбри захлопнула блокнот и бесшумно поспешила вниз, к дороге. Рядом с «Фордом» той пары она расстегнула рюкзак, достала канистру емкостью три галлона⁴, аккуратно открыла крышку бензобака и вставила пластиковую трубку длиной несколько футов.

Все это время за ней наблюдает сова.

В детстве я обещала Кэмбри написать книгу о ее приключениях. Но я имела в виду не то, что вы сейчас читаете.

Ясное дело.

⁴ 1 галлон = 3,78 л.

Однако описывая жизнь сестры, я прохожу мучительный катарсис. Понять, как прошли ее последние часы, для меня словно сходило к костоправу. Каждое написанное слово приносит боль, но мои родители должны знать, что произошло с их дочерью шестого июня. Скажу вам прямо: я допустила некоторые вольности, кое-что додумывая, потому что о чем думала моя умершая сестра – никому не дано знать.

Но кто, как не я, ее сестра-близнец, должна попробовать восстановить ход событий?

Прежде чем продолжить, несколько слов специально для Кэмбри. Вот, сестренка, твоя книга, как и обещала. Наконец-то. Мне очень, очень жаль, что я опоздала на пятнадцать лет.

И очень жаль, что в конце ты умираешь.

Блокнот на пружине, принадлежавший Кэмбри, – это описание последних девяти месяцев ее жизни в рисунках.

Сентябрь в Орегоне. По петляющему шоссе из Портленда к вечнозеленым растениям у воды – остановка у озера Крейтер. Затем Медфорд, домашнее пиво и валянье на диване перед телевизором вместе с беспечным и добродушным другом Блейка, ее парня. Друг поделился с ними мощным галлюциногеном, который он сам вырастил в коробке из-под обуви. Кэмбри казалось, что следующие три часа на нее падали волосатые тарантулы, будто сброшенные с самолета парашютисты. Наконец она перестала их бояться и начала просто давить.

Октябрь в Калифорнии. По автостраде 101 мимо Юрики к Стеклоному пляжу. Местные жители, проживающие рядом с воинской частью Форт-Брэгг, на протяжении десятилетий сбрасывали мусор в океан и невольно собрали самую большую в мире коллекцию стекла, отполированного волнами. На дне, среди темных камней, блестят голубые и зеленые осколки. Всю красоту карандаш и чернила не передали. Кэмбри взяла горстку этих стекляшек и положила в бардачок машины.

Ноябрь на туманном побережье, у скользких причалов и на мостах. Самый большой мост – Золотые Ворота.

Декабрь и январь в Нью-Мексико, Аризоне, Техасе. У них с Блейком еще все хорошо, но деньги заканчиваются быстро. Они играли во фрисби на апокалипсических просторах выжженной солнцем пустыни Уайт-Сандс. Ветер поднимал волны белого песка на высоту пятидесяти футов. Однажды ночью, лежа под звездным небом, Блейк спросил ее, что она собирается делать после этого долгого путешествия, когда они наконец вернутся в Сиэтл.

– Покончу жизнь самоубийством, – ответила Кэмбри.

Он неловко рассмеялся.

Февраль и март в Луизиане, Джорджии, Флориде. Кэмбри рисовала белые особняки с подъездными дорожками длиной в полмили, гирлянды на деревьях и чешуйчатые головы аллигаторов. С Блейком они стали ругаться чаще, причем спор начинался внезапно и яростно, словно буря. В районе Форт-Майерса град разбил лобовое стекло «Тойоты», они словно попали под обстрел. Отношения стали еще хуже. У автомастерской Блейк с угрюмым видом заявил, что идет в магазин на заправке за сигаретами. Кэмбри ждала полчаса, потом пошла за ним. На автозаправке продавец сказал, что видел, как мужчина, похожий на Блейка, встретил приятеля и вместе с ним уехал. Он украл четыре тысячи долларов и их маленький пистолет двадцать пятого калибра. У Кэмбри в кошельке осталось семнадцать долларов и машина с только что отремонтированным лобовым стеклом.

Она поехала дальше.

Почему бы и нет?

В Сиэтл она вернется без него. Это она предложила отправиться в путешествие на год. Не Блейк. Дорогу домой она найдет – если вообще захочет возвращаться. И попадет туда тогда, когда захочет сама.

Апрель в Вирджинии, затем через огромное зеленое плато Озарк, под разваливающимися трубами заржавевших бумажных фабрик и еще каких-то заводов, потом на север, в Дакоту. Рисунков становится больше – теперь Блейк не дергает ее за руку, как непоседливый ребенок. Она решила уменьшить расходы и продала трейлер. В день Кэмбри стала проезжать большие расстояния. Подработкой она пополняла денежные запасы. Воровать ей не нравилось, но иногда приходилось. В основном еду.

Теперь июнь. Монтана.

Ее последний блокнот почти заполнен. От Магма-Спрингс до Сиэтла не так уж и далеко, один-два полных бака бензина. Ее манит прошлая жизнь, ей не хватает комфорта: водопровода, розеток. В этом месяце зубы стали болеть сильнее. То и дело на зубной щетке появляется кровь.

По ее прикидкам, сегодня вечером она доберется до Кер-д'Алена. Если выедет прямо сейчас.

От кемпинга «Голова собаки» она идет пешком, сначала по дороге, потом срезает путь через густой холмистый лес. Теперь у нее тяжелый рюкзак – в канистре плещется бензин. Когда она забирается в такую глушь, то воруется только один-два галлона. Не хочется, чтобы люди потом вообще не могли никуда уехать.

Поздний вечер, температура воздуха очень приятная. За соснами оранжевое солнце, а небо приобретает сиреневый оттенок. Никаких голосов, никто не спорит, не ругается – только стрекочут сверчки и сухая трава хрустит под ногами. Кэмбри любит тишину, запах сосновых иголок и ягод. Осталось немного, до автомагистрали минут пять – там она оставила машину. Внезапно она видит столб дыма.

«Горит моя машина», – подумала она.

В последнее время с головой у нее не все в порядке. Начиная с Флориды, она больше не в состоянии контролировать панические атаки – психолог называл их фуриями. Сова означает близкую смерть. Зубная боль – раковая опухоль. Дым – ее «Тойота» в огне.

Оказалось, что дым поднимается рядом с тропой, где она идет. Фактически это несколько столбов грязного дыма на фоне Скалистых гор с белыми шапками. Кэмбри любопытно, что это за дым. Она останавливается и, прищуриваясь, сквозь ветки деревьев пытается рассмотреть, что происходит.

Может, трава горит?

Она видит источник дыма примерно в четверти мили внизу: голая зацементированная площадка, белая как кость. Словно здесь когда-то собирались построить здание, но так и не построили, а теперь тут все заросло сорняком. Прицеп и проржавевший грузовик. Высохший колодец. Наваленные кучей бревна и гравий. Земля темная, влажная, словно только что вскопанная.

Дым поднимается от четырех костров. На голой цементной площадке они выложены как по линейке, к тому же каждый костер окружен пирамидой из камней. Конструкция похожа на небольшие очаги. Языки пламени не могут выбраться наружу, оранжевый огонь словно пойман в капкан.

Между кострами разгуливает мужчина.

При виде еще одного человека Кэмбри вздрагивает, но она была уверена, что находится тут одна. Она идет дальше, спотыкаясь о камни под ногами. С этого расстояния незнакомец кажется размытым пятнышком. Похоже, он раздет по пояс. Он наклоняется над каждым костром и помешивает его то ли палкой, то ли кочергой. Он доходит до конца ряда, поворачивается и снова проверяет каждый костер.

Медленно, спокойно, методично.

Кэмбри жалеет, что оставила бинокль в багажнике. Ближе подойти она не решается. Даже четверть мили для нее слишком близко.

Догадаться нетрудно – он сжигает ветки, как делают многие, прежде чем начнется летний запрет на сжигание сухой травы и веток у себя на участке. Но костры слишком маленькие, да и каменные пирамиды выглядят так, будто собраны для чего-то другого. Может, он что-то коптит, готовит на медленном огне? Оленину? Лосося?

«А он человек?» – нашептывают ей фурии.

Кэмбри задумывается, не зашла ли она на чей-то участок. Она всегда проявляла осторожность и никогда ничего не крада с частных территорий, чтобы не словить пулю. Лучше воровать в общественных местах, как бы трудно это ни было. Она не помнит, чтобы проходила мимо каких-то завалившихся заборов или табличек, но в любом случае оглядывается, чтобы проверить. А когда снова смотрит вперед, то видит: мужчина вдали перестал ходить между кострами. Теперь он стоит неподвижно, словно пугало, рядом с кострами, которые ближе к ней.

И смотрит вверх на гору. На нее.

По телу Кэмбри пробежала дрожь. Сжалось нутро. Она не двигается, ее поза такая же, как у него. Между ними слишком большое расстояние, чтобы кричать. Можно было бы помахать рукой. Но она не будет.

Мужчина продолжает неотрывно смотреть на нее.

Ветер меняет направление, шелест крон деревьев похож на низкий рык. Четыре столба дыма плывут влево, на лицо мужчины, но он не реагирует.

Кэмбри щурится сильнее, ей не нравится это странное противостояние. За эти девять месяцев, что она живет как беженка, на нее таращатся не впервой. Сколько раз ее просили покинуть автостоянки и кемпинги – уже и не сосчитать. Она пытается рассмотреть побольше деталей. Нет, он не раздет по пояс – видна майка-алкоголичка. Штаны цвета хаки. Его руки нащупывают что-то на поясе. («Пистолет, пистолет, пистолет», – шепчут ее фурии, но форма не та.) Мужчина поднимает эту штуку к лицу обеими руками.

«Пора уходить».

Он смотрит на нее. От поднятого к глазам предмета отражается свет – это бинокль.

«Кэмбри, уходи. Немедленно».

Кажется, что этот сюрреализм длится вечно, воздух сгущается, у Кэмбри возникает странное желание помахать незнакомцу. Она уже подняла руку, но ей становится не по себе, внимание незнакомца обращено на нее, она чувствует, как он злобным взглядом скользят вверх-вниз по ее телу.

Сердце судорожно стучит в груди, бьется о ребра.

«Уходи. Уходи. Уходи прямо сейчас...»

Кэмбри поворачивается и спокойно уходит с покрытой травой возвышенности под взглядом незнакомца, что рассматривает ее в бинокль, двигается медленно и осторожно.

Как только она оказывается вне пределов его видимости, она бежит со всех ног.

Завидев машину, Кэмбри переходит на шаг и оглядывается.

К ее ужасу, этот мужчина теперь стоит как раз в том месте, где совсем недавно стояла она, но пока он ее не видит. Поставив руки в боки, он мерит шагами покрытый травой склон, сдвигает ногой камни, на известняковой почве ищет отпечатки ее ног.

Кэмбри опускается на колени за ближайшим деревом, чтобы отдышаться.

Теперь он еще ближе, и она может получше его рассмотреть. Высоченный мужик. Огромные бицепсы, короткая стрижка, где-то за тридцать или даже сорок лет, военная выправка.

Вероятно, он бежал, раз догнал ее так быстро. Теперь он осматривает окружающий лес, закрываясь рукой от закатного солнца.

При мысли, что ее выследили, у нее по коже пробежал холодок.

Она сбрасывает со спины рюкзак и пригибается все ниже, ниже, пока не расплывается на высушенной земле. Тонкая сосна едва ли ее прикрывает. Если смотреть с того места, где сейчас находится этот мужчина, то можно увидеть часть ее лица, выглядывающую из-за ствола. Ну не может же у него быть такое хорошее зрение, правда?

«Но ведь у него есть бинокль».

По крайней мере, он без оружия. От этой мысли Кэмбри становится легче. Она уже думала, что у него за спиной винтовка или что в руке он держит топор. Но в руках у него ничего, если не считать бинокля, а кожа под майкой красная как у рака. Сильно обгорел на солнце. На ногах брюки. Он что, переоделся? Чем он там занимался?

Мужчина продолжает искать ее среди деревьев. Он осматривает всю местность, очень тщательно, слева направо, и уже приближается к тому месту, где она прячется. У Кэмбри внутри все сжимается. Он проводит взглядом по ее дереву, секунду осматривает и переводит взгляд в другое место. Слава богу!

Она лежит неподвижно, как камень, вжимается в пожелтевшую траву, запускает правую руку в задний карман и сжимает рукоятку складного боевого ножа модели с трехдюймовым лезвием. Это успокаивает. Жаль, что, сбежав, Блейк украл пистолет. Сейчас бы он пригодился, даже такой маленький, которым только мышью стрелять. Кэмбри жалеет, что у нее тяжелый рюкзак, ведь он замедляет движение.

Только сейчас, лежа за деревом и судорожно хватая ртом воздух в угасающем свете дня, Кэмбри начинает понимать всю серьезность ситуации, в которой оказалась. Этот незнакомец пробежал четверть мили вверх по склону, в заросли деревьев, чтобы до нее добраться. Помчался сразу. Без колебаний. Он оставил четыре странных костра без присмотра. И сейчас ей жутко захотелось узнать, зачем они.

Она чувствует, как нарастает напряжение. Электрическое покалывание пробегает по нервным окончаниям. Шепот в голове говорит ей, что надо подхватить вещи и бежать, вырвать эту страницу и начать все сначала. Быть Кэмбри Нгуен, которая добилась потрясающих результатов в беге по пересеченной местности – преодолевала милю за шесть минут! Она сожгла все мосты у себя за спиной, металась от одной подруги к другой, переезжала из города в город, меняла одного любовника на другого. Она вела себя как стая саранчи, которая садится на поле, уничтожает посевы и летит дальше. Она находила недостатки во всем хорошем и решала проблемы, просто забывая о них в пути от Западного побережья к Восточному, и уже почти повернула, чтобы снова преодолеть этот путь, только в обратном направлении.

У нее пересохло во рту. Она ни разу не курила с января, но теперь ей требуется сигарета.

Она говорит себе, что, вероятно, это просто недопонимание. Для разнообразия ей хотя бы раз нужно попробовать не бежать от проблемы, а попытаться ее решить. Границ участков тут не видно, так что ничего страшного. Скорее всего, возвращаясь из кемпинга, она просто не заметила ржавую табличку или знак и зашла на чью-то частную территорию. У хозяина не было выбора, кроме как последовать за ней и спросить, что она...

Обгоревший на солнце мужчина резко обернулся. Он ее видит.

Он не машет рукой. Он не смотрит в бинокль. Он просто срывается с места и молча и размеренно бежит к ней. Охота продолжается.

Кэмбри подскакивает и несется так, что ветер звенит в ушах.

Когда она подбегает к своей «Королле», припаркованной на обочине дороги, хрипло дышит, сердце стучит так, что, кажется, вот-вот выскочит из ушей. Кэмбри в прекрасной физической форме – в прошлом году пробежала полумарафон, но рюкзак за спиной висит тяжелым грузом, а его лямки натирают. Она не уверена, продолжает ли обгоревший на солнце незнакомец ее преследовать, пересекая заросли деревьев, и насколько он близко.

Распахнув дверцу машины, она ни разу не оглядывается назад, чтобы проверить, где находится ее преследователь – ведь это отнимет драгоценные секунды. Кэмбри ныряет в салон, вставляет ключ в замок зажигания, поворачивает и нажимает на газ. Двигатель ревет, из-под колес вылетают клубы пыли и сухой земли, она срывается с места и несется в пылевом облаке.

За рулем она переводит дыхание второй раз за день. Она еще толком не успела осмыслить ситуацию, а вопросы уже посыпались. Кто он такой? Что он там делал? Что бы произошло, если бы он ее догнал? И самый главный: надо ли позвонить в службу 911?

Она знает, что связь здесь не ловит. Мертвая зона.

«Но когда доберешься до города... Может, все-таки позвонить?»

Выстрел. Она резко вздрагивает.

Яма. На дороге просто яма, и в машине что-то хлопнуло. Кэмбри потирает руки, по которым побежали мурашки. Предположим, ей ответит диспетчер службы 911, что именно ей ему сказать?

«Алло, диспетчер? Я видела, как один мужчина развел четыре маленьких костра».

Странно, да. Но разве это незаконно?

«Все зависит от того, что он сжигал в этих кострах», – подсказывал ответ ее внутренний голос, что не особо помогло.

Черт побери, да гадать можно вечно. Она уехала на много миль в лесистую местность, и он вполне мог просто прогнать ее со своего участка. Еще одна яма – опять что-то хлопнуло. Кэмбри немного снизила скорость. Только спущенного колеса еще не хватало.

Солнце село. Фотографы называют этот час волшебным, потому что в сумерках нет теней, все вокруг кажется призрачным и туманным, словно картина в голубых тонах. И есть что-то еще – Кэмбри всегда говорила, что это чувствует, хотя Лена была настроена скептически: она чувствует накаляющееся в воздухе электричество, размывающуюся границу между положительным и отрицательным. Скоро сверкнет молния.

Она проезжает мимо знакомых рекламных щитов: кафе «Магма-Спрингс», магазин, торгующий травкой и привлекающий слоганом «Очень просто быть зеленым». На душе спокойнее. Ей удалось смыться. Дорога петляет между холмами, поросшими деревьями. На горизонте Кэмбри видит мигающие красные огни. Вышки сотовой связи. До цивилизации рукой подать. Там люди. Машины. Ограничения скорости. Страхование. Аренда. Стоматологи.

Она выдыхает, не осознавая, что все это время ехала, задержав дыхание, приближается к автостраде МТ-200, у перекрестка нажимает на тормоз и внезапно слышит завывание sireны у себя за спиной.

Она смотрит в зеркальце заднего вида.

«О, слава Богу!»

За ней едет покрытая пылью патрульная полицейская машина с мигалкой на крыше. Как законопослушная гражданка, Кэмбри съезжает на обочину, а полицейский аккуратно паркуется за ней. Черный и золотой цвета. Дорожно-патрульная служба полиции штата Монтаны. Сирену выключают, но мигалка остается, и ее свет отражается в зеркалах «Тойоты».

Кэмбри ненавидит полицейских. И ей очень не нравится то облегчение, с каким она встречает одного из них.

Даже будучи взволнованной, она спокойно продумывает, что сказать. Она проверила, чтобы рюкзак был полностью застегнут – ведь в нем спрятаны канистра с бензином и шланг. Она объяснит, что просто гуляла на природе, путешествует в своем автомобиле и живет в нем, у нее масса психологических проблем, она общается со стражниками загробного мира и пытается справиться с нервным срывом. Вот и все.

Патрульный выходит из машины и оставляет дверцу открытой. В голубых сумерках он приближается к Кэмбри, и теперь она его может разглядеть. Форменная рубашка песочно-коричневого цвета застегнута не до конца и толком не заправлена в брюки. Видно, что он сильно обгорел на солнце. На шее болтается бинокль. Лицо все еще красное – он бежал от места их первой встречи до места, где стояла его патрульная машина.

Он подошел к окну. На форменной рубашке на груди вышиты имя и фамилия.
«КАПРАЛ РАЙМОНД Р. РАЙСЕВИК».

Глава 3

Лена

– Ты приказал ей остановиться.

Он моргнул.

– Не понял.

– Ты приказал ей остановиться, – снова повторила Лена. – В день ее смерти. В тот самый день, прежде чем найти ее труп. Это было в отчете.

Мгновение он смотрел удивленно – потом кивнул.

– Я разве это не сказал?

– Нет.

– Странно, вроде бы...

– Не сказал.

– Я и не должен был, – нахмурившись, ответил он, затем посмотрел на кассетный магнитофон, который тихо слушал все. – Ты попросила начать с того вечера, когда я нашел ее тело. Седьмого июня.

– Почему ты ее остановил?

– Разве в отчете не написано?

– Мне не нужен отчет. Хочу, чтобы ответил ты.

– За превышение скорости, – он посмотрел на поднимающийся вдали дым. – Спустились сумерки, было где-то около восьми вечера...

«Было 20:09», – знала Лена.

– Я увидел, как голубая «Тойота» пролетела мимо меня. Ехала на скорости восемьдесят, а то и девяносто миль. Как будто черти за ней гнались.

Лена кивнула и задумалась, является ли выражение «как черти за ней гнались» обычным в лексиконе правоохранительных органов Монтаны. Но оно очень подходило. Кэмбри ездила очень неровно – то резко разгоняла машину, то резко тормозила. Она всегда неслась, торопилась, словно за спиной цунами.

– Я остановил ее, – Райсевич говорил медленно и печально. – И с ней поговорил...

Сама того не замечая, Лена вытянулась вперед и ловила каждое его слово. Живот тянуло, во рту ощущался кислый привкус. Она не сомневалась, ведь уже знала все, что он собирался сказать. Но для нее это все равно было очень важно. Лена словно брала интервью у того, кто видел призрак Кэмбри. Все люди из жизни ее сестры удостоились этой чести. Лена даже начала завидовать тому количеству парней, что были у Кэмбри, – длинному списку отвратительных парней, которых ее сестра, казалось, собирала как насекомых в банку. Торговец кокаином (Отвратительный Парень № 11), совершенно неумелый вор кредитных карт (Отвратительный Парень № 6) и по крайней мере один нарцисс (Отвратительный Парень № 14, который ходил с катаной и постоянно говорил про роман, который писал). Похоже, Кэмбри привлекали отвратительные люди, и она пользовалась ими, пока ее это устраивало.

И Лене это казалось несправедливым: каждый из этих отвратительных людей, включая стоявшего перед ней капрала Райсевича, знали что-то про ее сестру, что она сама не узнает никогда. Она накрутила прядь волос на палец и дернула, стало больно так, что на глаза навернулись слезы.

– Я сразу определил, что она живет в машине достаточно долго, – продолжал Райсевич. – Запасной аккумулятор, одежда, спальный мешок, рюкзак. Под ногтями грязь. Она выглядела уставшей. При таком образе жизни это обычное дело. Я видел, как подобный уклад закаляет и ожесточает – не знаешь, когда в следующий раз удастся поесть.

«Моя сестра умела сама о себе позаботиться, – подумала Лена, но вслух не сказала. – Они жила без удобств, но в помощи не нуждалась».

– У нее были красные глаза. Она плакала. Я спросил, знает ли она, на какой скорости ехала. Она ответила, что это вышло случайно, оправдывалась, но, может, несколько отстраненно, словно ее что-то беспокоило, давило на нее...

– Она оправдывалась?

– Да. А что?

Кэмбри можно было назвать социальным хамелеоном: с разными людьми она была разной, иногда в одно и то же время, но почтения к официальным лицам она никогда не демонстрировала. Еще в седьмом классе она плотно обвязала бечевкой губку для мытья посуды, чтобы та засохла как сжатый брикет, потом сняла бечевку и спустила засохшую губку в школьный туалет. Трубы в здании пришлось менять. Летние каникулы начались на десять дней раньше.

Лена прикусила язык.

– Что именно она сказала?

– Она... она сказала мне, что парень-подонок бросил ее в середине путешествия – они ехали через всю страну, с одного побережья на другое. Оставил одну, почти без денег. Она ехала домой...

– Это произошло несколько месяцев назад. Во Флориде.

– Она *соврала* мне. Я ей поверил. Лена, мне очень жаль, что я не знал правду.

Она внимательно смотрела на его лицо, пытаясь понять, действительно ли он сожалеет. Глаза были скрыты за черными солнцезащитными очками. Он не выражал ей соболезнования так, как это делают сотрудники правоохранительных органов. Но его чувство вины казалось искренним, он пытался доказать свою невиновность так, как это делал бы любой другой человек. Он разговаривал с девушкой, имевшей кучу проблем, незадолго до ее самоубийства, у него была возможность спасти ей жизнь, а он что сделал?

– Я выписал ей предупреждение.

– Не штраф?

– Она ехала домой.

– Так просто? Жаль я не использовала такую отмазку.

– Тебе и не приходилось, – заметил Райсевик. – Тебя даже ни разу не останавливали.

Она фыркнула, но он был прав. Лена никогда не нарушала закон, если не считать нескольких выпитых бутылок пива в том возрасте, когда это еще запрещено, и нескольких не сданных вовремя в библиотеку книг. Хотя откуда Райсевику это знать?

«Может, он наводил справки? Что тоже возможно».

– А затем я ее отпустил, – тихо сказал он.

– За день до того, как ты нашел ее тело под мостом?

– Да.

– В день, когда она совершила самоубийство?

– Да.

– Предположительно, за несколько минут до...

– Все написано в отчете.

– На этом все?

Почему-то Лена задала этот вопрос с удовольствием. Мать не раз задавала его обоим близняшкам, хотя чаще Кэмбри: *«На этом все? То есть кто-то просто попросил тебя понести это в рюкзаке?»*

Капрал Райсевик резко повернулся, склонился вниз над ограждениями моста и уставился вниз, на сухое русло, словно время вернулось на три месяца назад и он снова видел разбитое

тело Кэмбри среди гранитных валунов. Огромный мужчина жевал нижнюю губу, словно собираясь сказать что-то очень важное, но передумал.

– Да, это все, – объявил он.

Какая замечательная особенность есть у полицейских?

Всегда оставлять бумажный след.

После того как патологоанатом признал смерть Кэмбри самоубийством, из округа Хауард мне любезно прислали скан страницы журнала, которую капрал Раймонд Райсевик, вероятно, заполнил через несколько минут после задержания Кэмбри за превышение скорости на автострате МТ-200. Дорогие читатели, файл PDF вы можете посмотреть здесь: [HCEAS6919.pdf](#).

Совпадение, правда?

Один и тот же патрульный останавливает мою близняшку за превышение скорости, а потом всего через сутки обнаруживает ее тело под мостом, через который проходит закрытая дорога. Иногда жизнь – странная штука.

Я пытаюсь со всем этим разобраться.

Вы слышали историю про японского бизнесмена? Это такая своеобразная шутка для отвратительных людей. В августе 1945 года он поехал по делам на завод в Хиросиме. Когда упала атомная бомба, от теплового излучения он получил ожоги и временно ослеп. Он оказался среди тех тысяч людей, которым пришлось лечиться, но и среди тех счастливиц, которые всего через несколько дней вернулись домой к радостной семье. Жил он в нескольких сотнях миль к югу.

В Нагасаки.

И приехал он как раз к тому времени, когда сбрасывали вторую бомбу.

Почему-то в последнее время я часто вспоминаю этого несчастного японца. Наверное, он напоминает мне о том, насколько наша жизнь непредсказуема. Мы живем в кипящем море причин и следствий. Совпадения происходят каждую секунду. И совсем необязательно, что они что-то значат.

Например, шепот призраков на мосту Хэйрпин – записано целых десять мегабайт. Но ведь иногда белый шум – это просто белый шум.

Забавно, эту историю про атомные бомбы мне рассказала Кэмбри. Нам было то ли по одиннадцать, то ли по двенадцать лет. Мы сидели на ее кровати, и она снова и снова на полную громкость ставила сингл «Не бойся Смерти» в исполнении «Blue Öyster Cult»⁵ – ей очень нравилась та часть, где Смерть говорит женщине: «Мы сможем летать». Словно смерть дает сверхсилу или что-то подобное. В комнате у Кэмбри пахло тыквами, потому что из них мы только что вырезали головы. Странно, насколько запоминаются звуки и запахи.

Мне даже не хватает того, что мне в ней не нравилось. Она обычно звала меня Крысиная морда (понятия не имею почему – если верить науке, лица у нас абсолютно одинаковые). Мне не хватает, как пахнет от нее никотином. Помню ее на семейных мероприятиях, как она не могла сидеть спокойно, будто оказалась на иголках, терзаемая сомнениями и тревогами. Ее психотерапевт называл их «хором фурий». Видите, даже недостатки ее словно из оперы – в ней что-то про древнегреческий миф⁶.

Мы были однойлицевыми близнецами, но не точными копиями друг друга, как принято считать.

⁵ Американская хеви-металл группа, основанная в 1967 году, известная научно-фантастическими темами.

⁶ «Хор фурий» – отрывок из оперы «Орфей и Эвридика», которая создана на сюжет греческого мифа об Орфее.

Я бы скорее описала нас как зеркальные отражения друг друга – там, где у нее право, у меня лево, и наоборот. Я пошла в колледж. Она – в отшельничество. Я умею писать роман. Она – свежевать кролика. Я все планирую. Она живет мгновением.

Я – это я. Она – сорвиголова, которой я хочу быть.

А теперь ее больше нет.

Слово «умерла» такое прямолинейное и однозначное. Лучше сказать: «Ее больше нет». Иногда я пытаюсь сказать себе: «Она обрела свободу».

Моя сестра всегда стремилась к свободе? Так теперь ей не придется дышать. У нее нет тела, о котором нужно заботиться. Ей не нужно ходить к стоматологу. Ее не волнует температура воздуха и атмосферное давление. Она может отправиться куда пожелает.

Забудьте про Стекланный пляж и национальный парк Эверглейдс. Мне нравится представлять ее на другой планете, может, какой-нибудь замерзшей луне, как она смотрит на кольца, окружающие гиганта из гелия и поднимающиеся над белыми, как кость, многоуровневыми ледниками. Или как гуляет по полям из желтой лавы на Венере, оставляя отпечатки ног в зеленовато-желтой грязи. Мне нравится думать, что она изучает сияющие кристаллы внутри кометы Галлея, когда та несется на скорости тысячи миль в секунду по нашему небу. Моя сестра может отправиться куда угодно. Думаю, она найдет то, что ищет. Где бы она ни находилась, надеюсь, что она время от времени думает о нас. Обо мне, маме и папе, и о пустоте, которую оставила после себя.

Хотелось бы мне перестать думать о разгадке тайны ее смерти, отключить часовой механизм, который работает у меня в голове, и просто скорбеть. Но столько всего не дает мне покоя, словно копошится в моих мыслях. Может, это проклятие, и теперь, после того как ее не стало, ее фурии поселились во мне. Но я не думаю, что это паранойя. Остаются на самом деле нерешенные проблемы, которые требуют, чтобы с ними разобрались. Как, например, капрал Райсевич, который остановил ее всего за час до предполагаемого самоубийства. И то, как он сказал, что она – да, да, именно моя сестра – оправдывалась за превышение скорости. И самые главные доказательства – звонки с ее телефона-раскладушки.

Думаю, это станет бомбой.

Благодаря предоставленной распечатке мы узнали, что перед смертью Кэмбри шестнадцать раз звонила в службу 911. Она не дозвонилась, потому что между Магма-Спрингс и Полк-Сити связи нет. Первый звонок, судя по данным сотового оператора, был сделан в 20:22. Всего через тринадцать минут после того, как ее остановил Райсевич.

И этому есть объяснение.

На его истории я не куплюсь.

За шестнадцать минут до смерти она обращалась за помощью. Но это никого не волнует!

Могу дать только одно объяснение, которое кажется мне правдоподобным. Предупреждаю, дорогие читатели, оно покажется вам притянутым за уши. Наверно, мое объяснение и не такое абсурдное, как история о японце, что два раза попал под атомную бомбардировку – под каждую из двух сброшенных на протяжении человеческой истории атомных бомб, но оно недалеко ушло. Поэтому, пожалуйста, потерпите, и я вам все спокойно объясню.

Но вначале немного юмора.

Думаете, что тот японец умер в Нагасаки? Да? Он выжил и во время второй бомбардировки. Прожил долгую жизнь и умер в 2010 году. Вечная ему память. А я думаю о Кэмбри, которой было всего двадцать четыре года, остроумной и таинственной, и о том, как наши родители плакали на поминальной службе во время демонстрации ее рисунков. Ее рисунки были лучше любых фотографий.

Да, жизнь – странная штука.

– Что скажешь насчет звонков Кэмбри в службу спасения?

Райсевик ответил так, словно читал с телесуфлера:

– У нее было шизоидное расстройство личности, и она от него не лечилась. Она определенно переживала экзистенциальный кризис. Мы убеждаем всех, у кого появляются суицидальные мысли, сразу же звонить в службу 911, и твоя сестра пыталась это сделать.

– Думаешь, она звонила по номеру 911, потому что почувствовала желание покончить жизнь самоубийством?

Он кивнул.

– Шестнадцать раз?

– На всем пути от кемпинга до Магма-Спрингс и до Полк-Сити связи нет. Я давно говорю администрации округа, чтобы разрешили построить тут третью вышку...

– Но шестнадцать раз?

– Думаешь, меня это не волнует? – теперь он говорил мрачно. – Шестого июня я остановил девушку с серьезными психологическими проблемами, всего за час до того, как она совершила самоубийство. Если и были какие-то признаки ее задумки, то я их проглядел. Вина моя. Довольна? Я не смог ее спасти. Ради этих слов ты проделала такой путь? – он бросил взгляд на магнитофон. – Чтобы их записать?

– Шестнадцать раз, – эхом повторила Лена.

– Окружной прокурор все проверил. У нас нет доказательств, что кто-то ее преследовал. Никто с ней, кроме меня, не разговаривал. Что там происходило у нее в голове... Было доказано, что после встречи со мной она поехала на мост Хэйрпин. По прямой. Она никуда не заезжала. Твоя сестра не смогла дозвониться до оператора службы спасения, ехала, пока на мосту у нее не закончился бензин, и покончила с собой. Лена, мне *очень жаль*.

«Лена, мне *очень жаль*». Еще одна затасканная, часто повторяющаяся фраза. Это босс произнес ее первым? Дядя? Или кузен? А какая вообще разница?

Лена отвела от Райсевика взгляд. Нельзя, чтобы он видел, как у нее на глаза наворачиваются слезы. Она уставилась вдаль на север, на стену дыма, на эту жуткую неконтролируемую смесь, которая поднималась вверх и оставляла следы на небе. Стена дыма заметно увеличилась. Может, в конце концов огонь и сюда дойдет.

Райсевик тоже смотрел на дым и вздохнул.

– Если тебе нужно кого-то винить, вини меня, – заявил он. – Это я выпустил ее из виду.

Он опять вздохнул, Лена начала сердиться. Она знала, какая фраза сейчас прозвучит.

«*Это не твоя вина...*»

– Лена, это не твоя вина.

Вот, пожалуйста.

Классика. В оригинале. Вот он и добрался до самых частых слов, что ей говорят. Нужно было только немного подождать. Лена терпеть не могла всех этих фраз, потому что они подразумевали: если это не твоя и не моя вина, значит, виновата сама Кэмбри, так? Пусть живые остаются полностью невиновными. Вали вину на того, кого больше нет, кто не может за себя постоять.

Лену от этого тошнило. От злости она сжала кулаки. А Райсевик продолжал:

– Шизоидное расстройство личности плохо поддается лечению. Кто-то однажды мне его описал. Это не болезнь с определенными симптомами, которую можно лечить. Это определенный уровень тревожности. Это то, чего ты *хочешь*. А хочется от всех отгородиться, оставить на миллион миль позади себя, разорвать все связи и просто существовать, как тебе того хочется

самому, на одном из колец Сатурна. И это одиночество на какое-то время делает тебя счастливым. Но в один прекрасный день понимаешь, что тебе требуется помощь, а рядом нет никого...

– Меня уже тошнит от рассказов о ее душевной болезни, – перебила Лена.

Райсевич замер.

– Для всех это главная разгадка: она прыгнула с моста, потому что была сумасшедшей. Из-за диагноза, поставленного десять лет назад в детстве. Да, с моей сестрой не все было в порядке. Да, ей никто не был нужен. Но я ее знаю, и о самоубийстве она не думала.

– Вдруг ты ее все-таки не знала, – его слова прозвучали как оскорбление.

К такому она оказалась не готова. Слова ее сильно задели.

Видимо, он понял, что зашел слишком далеко – сразу же заговорил мягким голосом, но достаточно громко, чтобы магнитофон его записал:

– Прости... Это вырвалось само по себе.

Лена ничего не ответила. Вообще ничего.

«Вдруг ты ее все-таки не знала».

– Лена, можно задать тебе вопрос. Зачем это все?

– Хочу справиться с горем.

– И все же зачем?

Молчание.

Он подошел ближе.

– Почему ты преодолела весь этот путь из Сиэтла? Почему просто не позвонила?

Она репетировала ответ на этот неизбежный вопрос, но все равно была сбита с толку, словно получила удар по голове.

– Я... я пишу книгу, – от смущения покраснели щеки, что ей не понравилось. – О моей сестре. О ее последних минутах шестого июня. Я столько всего про нее не знаю. А я хочу описать, что с ней случилось. С твоей помощью.

Он обдумал услышанное.

– В детстве мы думали, что она – художница, а я – писательница. Кэмбри просила меня написать о ней книгу. А я так и не удосужилась. Думаю, теперь я пытаюсь загладить вину.

– Прости, если мои слова прозвучали грубо, Лена. Не хотел показаться бесчувственным.

Она слегка улыбнулась.

– Рай, прости, что перебила.

Два пустых извинения, произнесенных только ради работающего магнитофона. Друг от друга они стояли в десяти шагах. Словно собирались устроить перестрелку, как герои какого-нибудь вестерна.

Издалека и вблизи капрала Райсевича можно было принять за двух разных людей. Глядя на него, Лена вспоминала спортивный автомобиль, на котором ездил один из бывших Кэмбри – прекрасно выглядел снаружи, но сиденья внутри были порезаны и прожжены сигаретами. Глаза Райсевича впалые, взгляд уставший. Живот урчал нездорово. Но с такими бицепсами он, вероятно, мог бы одним ударом кулака уложить клейдесдаля⁷.

– Выглядишь вымотанным.

– Не спал с четверга.

Она ждала, что он объяснит почему.

«Бессонница? Ночные смены? Жена храпит?»

Но он больше ничего не сказал. Наверное, решил, что и этого хватит.

Отсюда ей было видно, что находится в салоне патрульной машины. Заднее сиденье порезано и явно сильно нагрелось на солнце. На коричневой виниловой обивке виднелось несколько

⁷ Клейдесдаль – шотландская порода упряжных лошадей.

рисунков, сделанных чернилами. Ее внимание привлек один, сразу же за водительским местом. Она подошла поближе и узнала нарисованного динозавра.

– У тебя тут граффити.

– Что?

Она показала пальцем.

– Кто-то тут нарисовал...

– Подростки.

Он пошел назад к «Тойоте», стуча ботинками по дорожному покрытию. Лена задержалась у заднего окна патрульной машины, остановив взгляд на забавном мультяшном динозавре, нарисованном голубыми чернилами и заштрихованном легкими тонкими линиями. Оторвать взгляд было невозможно. Этот рисунок она видела раньше.

Нет, точно – она и раньше его видела много раз.

Капралу Раймонду Райсевику совсем не понравилось, что девчонка так долго маячила у его машины, заглядывая в салон сквозь тонированное стекло. На заднем сиденье ничего не было – так что же она высматривает?

Он поймал себя на том, что тоже смотрит. На нее.

«Она совсем как сестра. Один в один».

Были небольшие различия – у Лены волосы длинные и с челкой, а у Кэмбри – коротко стриженные, завязанные в хвостик. Было заметно, что стригла она их сама. Кожа Лены была бледной, а кожа Кэмбри – бронзовой от загара. Кэмбри носила потрепанные джинсы, которые казались коричневыми после множества пережитых всевозможных погодных условий в пыли и солнце. А Лена свои купила будто только вчера. Но несмотря на все это, они казались одним и тем же человеком. Вероятно, они очень старались стать разными, выковать свои собственные «я». Может, поэтому все и получилось так трагично, когда оказалось, что им не сбежать друг от друга.

«Боже мой! – изумился он. – Да я как будто смотрю на призрак Кэмбри».

Лена ничего этого не заметила. Она все еще, прищурившись, рассматривала салон машины. От этого все внутри у Райсевика сжалось. Он пытался вспомнить – не осталось ли у него на заднем сиденье чего-то лишнего? Что она ищет среди пятен и порезов, накопившихся за тринадцать лет?

Что-то здесь было не так.

Разговор надо было повернуть в другое русло.

– Хорошо, – произнес он неохотно и вздохнул. – Расскажу тебе правду.

– Что?

– Лена, я тебе соврал.

Она моргнула. Наверно, ослышалась.

– Прости, – он снова отвернулся.

Осознав смысл его слов, Лена начала переживать: *«Я тебе соврал...»*

– В Магма-Спрингс я сказал тебе, что даже представить себе не могу, что это такое – потерять сестру, но на самом деле я это очень хорошо представляю, – он остановился у ограждения и уставился на окутанные дымом холмы. – У меня тоже был близнец.

Лена подошла, но не слишком близко.

– Моего брата звали Рик, и он всегда хотел стать полицейским. С пяти лет он меня арестовывал, надевал пластиковые наручники. В восемнадцать лет мы оба решили, что пойдем по одной стезе – служить в правоохранительные органы. Мы сдали письменный экзамен, прошли психологическое тестирование, потом был еще экзамен по физической подготовке – но отбор прошел только я. Рика не взяли. Если честно, меня это до сих пор удивляет, думаю, он хотел этого больше, чем я. Может, он хотел этого слишком сильно. А иногда я думаю: может, я сам хотел стать полицейским, потому что повторял за ним? Знакомо? Рик был старше на две минуты.

Лена помнила, как мать однажды сказала, что она старше Кэмбри на несколько минут. Но это не имело значения. Кэмбри с ее фуриями считала себя старше, закаленнее, мудрее.

Райсевич выдохнул.

– Вечером, за день до моего отъезда на автобусе в Мизулу, Рик застрелился из ружья двенадцатого калибра, приставив его к подбородку снизу.

Лене надо было что-то ответить. Но она промолчала.

– Ты думаешь, что я не понимаю, что ты переживаешь после самоубийства Кэмбри, и это правда – я не понимаю, каждый по-своему переживает горе. Но я представляю, что ты чувствуешь, – он посмотрел на девушку. – И, Лена, я тебе сочувствую и хочу дать совет: прекрати гоняться за призраком. Смотри вперед, а не назад.

Она подняла взгляд. На него.

– И было пятнадцать звонков, – добавил он. – Она пыталась позвонить в службу 911 пятнадцать раз, судя по данным ее сим-карты.

Лена ничего не ответила. Она была уверена, что шестнадцать.

Так ведь?

– Чиновник мог ошибиться, считая звонки, – продолжал Райсевич. – Он же говорил с тобой по телефону?

Она не ответила.

Солнце теперь высоко. В воздухе витал густой коричневый дым с частичками песка. Ветер стих. Стояла напряженная тишина. Лену мучила жажда, губы потрескались, голова начала болеть. Теперь она задумалась, вдруг Райсевич прав насчет количества звонков? А если так, в чем еще она ошибалась?

Ее мысли прервал какой-то металлический звук.

– Извини. Я на секунду, – сказал Райсевич и отошел.

Лена обернулась – звук доносился из патрульной машины. Может, его рация. Стекло у переднего сиденья «Доджа» было опущено примерно на полдюйма, поэтому звук громко разнесся в тишине при безветрии. Казалось, что в этом воздухе был слышен каждый звук. Каждый шаг, каждый вздох, даже шорох каждой травинки.

«Нет. Она звонила в службу спасения шестнадцать раз».

«Распечатку я видела собственными глазами. Я считала строки».

Полицейский извинился и побежал к патрульной машине. Все казалось безобидным. Лена смотрела, как он втискивается в салон и закрывает за собой дверь. Как бы не выпустить его из виду.

«Я не чокнутая».

Сомневаться в этом нельзя. В голове кружились мысли: сим-карта, динозавр на заднем сиденье «Чарджера», поразительная холодность в голосе Райсевича, когда он заявил, что она не знает свою собственную сестру-близняшку. Ничего не сходилось. Ничто не казалось надежным.

Лена отбросила в сторону все догадки и попыталась сосредоточиться на известном. На фактах – точных и неоспоримых. Предположительно Кэмбри умерла в 21:00.

Это означало, что когда Райсевич ее остановил, жить ей оставалось меньше часа.

Глава 4

История Кэмбри

Полицейский попросил представиться.

– Кэмбри Нгуен.

Полицейский спрашивает, как прошел день.

– Отлично.

Полицейский спрашивает, откуда она.

– Вообще из Сиэтла.

Полицейский просит показать водительское удостоверение.

Она достает из рюкзака, что на соседнем сиденье, бумажник. Руки дрожат, пальцы словно онемели, они ее не слушаются.

– Успокойтесь, – говорит обгоревший на солнце полицейский, забирая ее водительское удостоверение. – Беспokoиться не о чем.

После он повернулся и пошел к своей машине. Он садится на водительское место, дверцу до конца не закрывает. Одна нога осталась снаружи на утрамбованном грунте обочины.

«Он проверяет, не выписаны ли на тебя ордера».

С этим у нее все в порядке – да, в прошлом были проблемы, но ничего особенного, только мелкие правонарушения. Может, во Флориде ей стоило выдвинуть обвинения против Блейка, но вообще-то почти все деньги были его. Маленький пистолет двадцать пятого калибра тоже принадлежал ему, если он вообще законно его приобрел. И она снова пожалела, что у нее сейчас нет этого пистолета.

Все происходящее казалось за гранью реальности. Легче не становилось.

Вместе с сумерками пришла прохлада. Вот так простой сон превращается в кошмарный. Пот на коже остыл. Имя полицейского она уже забыла, помнит только, что имя и фамилия начинаются с Р.

Она наблюдает за ним в зеркало заднего вида. По рации он не говорит, и это странно. Он просто молча сидит в машине и смотрит на нее в сгущающихся сумерках сквозь остывающий воздух. Если смотреть сквозь ветровое стекло, его лицо находится в тени. Но одна его нога так и стоит на земле, словно он готовится бежать. Готовится сорваться с места. Готовится к чему-то.

Кэмбри кладет правую руку на рычаг переключения передач. Полицейскому этого не видно. Она медленно опускает пальцы, сжимает рычаг.

Теперь она без проблем тронется с места. Двигатель работает на холостых. Осталось включить передачу. Это будет не первый ее побег от полиции. Конечно, он сразу же обо всем догадается – потухнут задние стоп-сигналы, а она еще толком не разгонится.

Но все же...

«Еще можно уехать. Прямо сейчас».

Он бросится за ней в погоню. Так ведь? Конечно, бросится – она же сбежит от полиции, хотя ее остановили для проверки документов. А это считается уголовным преступлением. Он включит сирену и помчится за ней, а она окажется преступницей.

«Но...»

По крайней мере, если она будет мчаться достаточно долго и достаточно быстро, то найдет свидетелей. Даже если других полицейских, и то хорошо. Она почти смирилась с мыслью, что ее повалят на землю и наденут на нее наручники, прижав спину коленом – но только если это произойдет в другом округе. Не здесь, не сейчас и при свидетелях.

Она опускает рычаг переключения передач вниз. Медленно. Шестерни коробки передач касаются друг друга и вращаются внутри корпуса, слышится скрип. На приборной панели мигает красный индикатор. Остаться на месте или поехать.

«Жизнь или смерть. Ну, решайся!»

Нервы на пределе.

«Решайся. Везжай».

Она снова смотрит в зеркало заднего вида – полицейский не сдвинулся с места. Все так и сидит, рассматривая ее, при этом лицо его остается в густой тени.

Каким-то образом она знает, что это не настоящий полицейский. Самозванец. Обманщик. Может, он пытался стать полицейским. Может, он сегодня уже убил какого-то несчастного патрульного.

«Может, он только стер кровь с чужой формы и уселся в чужую машину, а я оказалась его последней жертвой на пути в угнанной машине».

Рычаг она опускает ниже.

Еще ниже. И еще. Внутри коробки передач рычаг упирается во что-то. Словно на иголках, Кэмбри это чувствует. Осталось совсем немного. Еще чуть-чуть надавить, слегка напрячь мышцу запястья – и «Королла» начнет движение.

«Если не поехать прямо сейчас, ты умрешь».

Она поняла это совершенно ясно и четко. Такие же неприятные ощущения вызывала у нее в свое время доска «Уиджа»⁸. Тогда она спросила, не суждено ли ей умереть молодой. Это была ее странная фобия – она боялась не самой смерти, а быть обреченной на нее. Именно поэтому, увидев сову днем, она разволновалась. Печально было бы проехать весь путь от Сиэтла до Форт-Майерса и почти вернуться назад одной, только чтобы умереть на финишной прямой, в двух штатах от дома.

Ее фурии твердят:

«Кэмбри, решайся. Решайся!»

«Если не рванешь с места, он убьет тебя прямо сейчас...»

Полицейский вышел из машины, он возвращается.

Она слышит, как под ногами хрустит гравий, словно трескается яичная скорлупа. Кэмбри неловко снимает руку с рычага, он автоматически становится на прежнее место. В зеркалах заднего вида заметен его приближающийся силуэт – от досады у нее горят щеки.

«Ну что, Кэмбри? Это был шанс, а ты его упустила».

«Твоя судьба предрешена».

На этот раз он облокачивается на крышу ее машины, как на свою. Теперь он ведет себя более раскрепощенно, свободнее. Он наклоняется и отдает Кэмбри ее водительское удостоверение. Она забирает его и замечает, что на руках у полицейского надеты черные перчатки. Они уже были? Или только что натянул?

– Пожалуйста, выйдите из машины, – говорит он.

– Что? Не расслышала.

Он снова заглядывает в салон, все еще облокотившись на «Тойоту». Теперь она чувствует его дыхание. Он явно принимает какие-то антациды⁹ со вкусом клубники.

– Заглушите двигатель, выйдите из машины и пройдите со мной.

– Зачем?

– Я объясню. Пройдемте со мной.

Ключи от машины она не отпускает. Наоборот, сжимает крепче.

⁸ Доска «Уиджа» – доска для спиритических сеансов – вызова душ умерших, на ней нанесены буквы алфавита, цифры от 0 до 9, слова «да» и «нет».

⁹ Антациды – лекарственные препараты для лечения кислотозависимых заболеваний желудочно-кишечного тракта путем нейтрализации соляной кислоты.

Он улыбается.

– Беспокоиться не о чем.

– Я знаю.

– Это обычная проверка.

Судя по черной нашивке на форме, его имя Раймонд Райсевик. Надо запомнить – Кэмбри их беззвучно проговаривает. Вдруг так зовут чьего-то мужа или отца, что лежит сейчас в канаве лицом вниз. Имя странное, а когда она сама его произносит, звучит поэтично. Немного демонически.

– Послушайте, Кэмбри, я же сказал, что беспокоиться не о чем, – улыбка с лица исчезла. «Кэмбри».

Из его уст имя звучит словно чужое. Будто между лопаток провели кубиком льда. Она понимает, что это все происходит на самом деле. Он – не видение из ее головы, которых, как сказал врач, бояться не следует. Он – высокий и крупный мужчина. Из плоти и крови и стоит прямо перед ней. Кто знает, может, он здесь и хочет ее убить.

На месте он не остался. Обошел «Тойоту» спереди, изучил шины, осмотрел машину вдоль и поперек, словно продавец, торгующий автомобилями, потом подошел к пассажирскому окну...

– Что вы делаете?

Он не ответил. Он засунул руку в окно...

– Эй!

...и вытащил рюкзак за лямку. Кэмбри потянулась за рюкзаком, но было слишком поздно.

– Эй, ублюдок! Что ты творишь...

Он расстегнул рюкзак, вытащил куртку и рыболовные снасти. Он достал красную канистру с бензином и потряс ее, внутри плескалось топливо. Он неодобрительно посмотрел на Кэмбри. Такое же выражение лица было у учителей, психологов и психотерапевтов. Но в прошлом оно никогда не тревожило ее так, как сейчас – столько фальши никогда ни у кого раньше не было.

– Кто-то сливал топливо в районе Магма-Спрингс, – заявил полицейский, возвращаясь к ее окну и сжимая резиновый шланг, словно кишку. – Молодая женщина, живущая в машине голубого цвета. Об этом твердит весь город.

– Им, видимо, больше нечего обсудить.

– Кэмбри, это не смешно.

– Не смешно красть бензин?

Райсевик нахмурился и с грохотом швырнул канистру на асфальт. Резиновый шланг он тоже бросил. И снова показал жестом, но уже более настойчиво:

– Выходите из машины.

– Не выйду.

– Кэмбри, выходите.

Ее загнали в угол – она идет в наступление. По-другому никак.

– Что вы там делали?

Он отреагировал как змея, которую дернули за хвост, а она тут же набросилась и укусила, и резко ответил:

– Не понял?

– Вы были в лесу, – говорит Кэмбри, – разводили костры, а потом увидели меня и бросились в погоню, – она смотрела ему в глаза. – Почему?

Он не ответил.

– В чем дело? А?

Кэмбри слишком поздно все поняла – слова уже сказаны.

«Теперь ему придется меня убить».

Теперь он точно знает: она все видела. Кэмбри поняла, что увидела что-то важное и сама вынесла себе смертный приговор. Вот так взяла и выдала себя, как полная дура.

«Я не оставила ему выбора».

Ветки сосен трутся друг о друга, словно шепчут. Легкий ветерок врывается в открытые окна. Ночь будет прохладной. Прохладной для июня.

– Я все объясню, – сказал Райсевик. – Договорились? Вы это хотели услышать? Но одно условие – здесь я говорить не буду. Пойдемте в мою машину, и я вам в подробностях объясню, что там происходило и что вы видели.

– А как насчет преследования до города? – не успокаивалась она. – В какой стороне департамент шерифа? Покажите, и я поеду прямо туда. Вы – за мной, и там мы все обсудим...

Он покачал головой.

– Нет? Но из своей машины я все равно не выйду.

Он покачал головой сильнее. Она заметила, что облокачивается он теперь не двумя, а одной рукой. Вторая лежит на рукоятке пистолета.

– Мэм, мне нужно, чтобы вы выключили двигатель и вышли из машины.

– Мне нужно, чтобы ты взял в рот и отсос...

– Кэмбри! – он продолжал резко качать головой. – Вы должны подчиниться. Все гораздо серьезнее, чем вы думаете. Считаю до трех.

– И что тогда?

– Узнаете, если не выйдете из автомобиля, – ответил он.

– Вы не полицейский.

– Один, – считает он.

Ее взгляд останавливается на его руке, которая лежит на черном пистолете «Глок», кобура которого пристегнута к ремню, и она немного успокаивается.

– Послушайте, я просто ехала домой. Я никому не расскажу, что видела...

– Два.

– Да я даже не поняла, что увидела, – ее голос дрожал. – Что тут такого. Прошу...

– Три.

Он расстегивает кобуру – слышны два щелчка, потом его рука сжимает рукоятку пистолета.

– Подождите, подождите, – говорит Кэмбри, поднимая руки и высовывая ладони в окно. – Выхожу. Хорошо? Я выхожу из машины и пойду с вами. Вы не могли бы... сделать шаг назад? Пожалуйста, – она кивнула вниз, на его ноги. – Мне надо открыть дверцу.

Молчание. Напряжение в воздухе спало.

Немного подумав, Райсевик кивнул. Он сделал два шага назад.

– Спасибо.

Кэмбри Нгуен включила передачу и сорвалась с места.

Глава 5

Лена

Лене совсем не понравилось, что Райсевик так долго сидит в своей машине.

Он все еще говорил по рации. Подносил маленький черный передатчик ко рту, периодически поглядывая на нее сквозь тонированное лобовое стекло. Она видела, как шевелятся его губы, но слов не слышала. Чтобы разговор остался в тайне, он закрыл окно.

Она помахала ему. Он помахал в ответ, виновато улыбаясь, словно говоря: «Почти закончил».

Лена обернулась и посмотрела на покрытый смогом горизонт. Нельзя было потерять настрой. К разгадке она была все ближе и ближе. А это внезапное ожидание ее сбило.

«С кем он там разговаривает?»

Ей это не нравилось. Совсем не нравилось.

В правой руке она держала айфон. Связи здесь не было, но в ожидании, пока закончится разговор, она бездумно листала СМС-сообщения, хотела добраться до последнего сообщения от сестры. Это было подобие предсмертной записки, которую Кэмбри Нгуен удосужилась оставить миру.

Обычно во сне Лена не слышала сигналы телефона, но почему-то именно это сообщение разбудило ее после полуночи восьмого июня, словно было заряжено негативной энергией. Она помнила, как после сигнала резко открыла глаза и увидела отражающееся на потолке голубое свечение. Она перекатилась на бок и, прищурившись от яркого света экрана, прочитала последние слова сестры:

«Пожалуйста, прости меня. Я не могу с этим жить. Но ты, капрал Райсевик, надеюсь, сможешь».

Лена прочитала его один раз.

Затем она перекатилась на другой бок и снова заснула.

Ей и в голову не пришло, что ее сестра совершила самоубийство. Это происходит с другими, в других семьях. В полусне она решила, что СМС-сообщение отправлено не тому. «Капрал Райсевик» вполне могло быть прозвищем одного из ее парней, тунеядцев и мошенников. Может, она встретила его в Канзасе, Флориде, на Шри-Ланке или куда ее там черти занесли. Просто непонятная весточка из кочевого мира сестры. Что там за извинение? Локальная шутка? Намек на угрозу? Зная Кэмбри, это могло быть и первое, и второе, и третье одновременно.

В то утро Лена спала до десяти. Ее разбудил телефонный звонок от матери, которая давилась слезами. С ней связались из полиции штата Монтана.

Лена никому не сказала, что ночному СМС-сообщению сестры она значения не придавала. Она сказала, что увидела его не сразу.

И это не имело значения – когда Лена его получила, Кэмбри уже была мертва больше суток. Она набрала сообщение за несколько минут до смерти и попыталась отправить его с моста Хэйрпин, где нет связи. Мертвая зона. СМС было в папке «Исходящие» и отправилось гораздо позднее, когда врачи уже везли ее тело. Маленькая дерьмовая раскладушка «Нокиа» с почти разряженным аккумулятором лежала в пропитанном кровью кармане, прижималась к холодному бедру и поймала сигнал от первой вышки в 1:48, отправленное письмо было словно послание из могилы.

И его не восприняли всерьез.

Хоть от полученного СМС Лене было не по себе, она была рада, что сестра, которой никто никогда не был нужен, ей написала. Это немного уменьшило ее душевную боль – что Лена все-

таки что-то для нее значила, раз удостоилась последнего послания. Даже такого странного и подозрительного.

В особенности странным и подозрительным было последнее предложение: *«Но ты, капрал Райсевич, надеюсь, сможешь».*

Какого черта?

Что это означало?

Никто не знал, что это значит. Зачем в предсмертной записке упоминать случайного прохожего, который остановил твою машину за час до суицида? Почему не написать семье, оплакивающим ее родственникам, что сейчас в ужасе? Почему она ничего не объяснила? Совсем ничего. На поминальной службе родители стойчески улыбались и держались как могли, но, по ощущениям Лены, Кэмбри отправила ей личное оскорбление. Напоследок показала ей средний палец.

О тайнах, связанных со смертью сестры, надо забыть. Кэмбри требовалось сказать только одно, и Лена хотела услышать только одну фразу: *«Я тебя люблю...»*

Ее мысли прервал металлический щелчок.

Это хлопнула дверца машины.

Райсевич возвращался. Наконец. Теперь он казался другим – натянул улыбку до ушей, словно маску.

– Прости, что так долго.

– Ничего страшного, – она вытерла слезу.

– Эта рация напоминает мне мою жену, – сказал он, выдавив из себя смешок. – Не умолкает целый день. Ни на час ее не заткнуть! Боже, я и во сне ее слышу, только теперь у меня бессонница.

Его губы снова растянулись в улыбке, и он стал напоминать морского черта. Напряжение, которое нарастало в течение последних нескольких минут, полностью испарилось, и Райсевич снова превратился в дружелюбного, сочувствующего (хотя и психически нездорового) человека, которого Лена впервые увидела перед кафе «Магма-Спрингс».

– С кем ты разговаривал?

В девятнадцати милях от них мужчина, скрываемый темнотой, еще с минуту держал рацию в руке, потом с щелчком поставил ее на место. Рядом лежала написанная от руки записка:

«Лена Нгуен. Мост Хэйрпин».

На секунду он задумался, потом дописал:

«Не вооружена».

– С диспетчером, – сразу же ответил Райсевич. – Пожарные, первая группа, передали, что поменялось направление ветра. Теперь огонь из Бриггс-Дэниелса идет сюда, нужно эвакуировать всех южнее автострады I-90. Думаю, на сегодня хватит. Я ответил на все твои вопросы?

– Почти.

Он остановился от нее в шести футах, развел руками и показательно пожал плечами. Мускулы перекачивались под рукавами песочно-коричневого цвета.

– Лена, имеешь что-то против полицейских?

– Не поняла?

– Не любишь полицейских? Меня лично? – он похлопал себя по бочкообразной груди, при этом прозвучал странный звук, словно грудь у него была из вольфрама. От его улыбки у нее по коже побежали мурашки. – Я из хороших парней.

– Не сомневаюсь.

– Нелюбовь к полицейским – фишка зумеров?

– Я с уважением отношусь к полицейским, Рай.

– Уверена?

– Мой дядя служил патрульным в полиции штата Орегон. – Лена смотрела Райсевику прямо в глаза. – Он был самым добрым и самым порядочным из всех, кого я когда-либо встречала. И я помню истории о том, как часто водители, проезжая по шоссе, показывали ему средний палец. Они воспринимали его как бойца штурмового отряда, а не как человека. И таких много. Отрешенных. Подозрительных. Но я на самом деле считаю, что служба в правоохранительных органах – это самая сложная работа в мире.

Он улыбнулся. Робко и застенчиво.

– Спасибо...

– Но вот касаясь тебя, Рай, у меня есть вопросы.

Улыбка с его лица исчезла.

Что-то в этих улыбках, которые то появлялись, то исчезали, напомнило Лене о коллекции кукол Барби, которая была у Кэмбри в детстве. Вместо того чтобы с ними играть, Кэмбри натирала их лица перекисью водорода. Краска сползала и превращалась в серую массу. После этого сестра усаживала этих кукол у себя на полках, они напоминали безликих маленьких манекенов в магазине. Зрелище было жуткое. Лена не понимала, почему сестра так делала.

Райсевик снова улыбнулся, словно ему подсказал суфлер.

– Если тебе нужно поговорить с кем-то еще из моего отдела или если ты мне не доверяешь, Лена, то тут никаких проблем. Это твое право. Ты потеряла близкого человека. Твоя сестра была душевнобольной, – он специально подчеркнул слово «душевнобольной» и внимательно следил за ее реакцией, глядя в глаза. – Она жутко страдала. Об этих страданиях она никому никогда не говорила. И решив умереть, она сделала неудачный выбор.

На приманку Лена не клюнула.

«Он подлизывается. Хочет посыпать соль на рану».

Она хотела с Райсевиком встретиться взглядом, но видела только черные стекла солнцезащитных очков. На нее словно смотрел робот.

– Мы не закончили наш разговор – то, о чем говорили раньше. Значит, ты остановил ее в восемь часов?

– Да.

– Но ты не просил ее сесть к тебе в машину?

– Нет.

– Хочешь сказать, что она никогда не сидела в салоне твоей машины?

Ответом ей была та же мягкая улыбка до ушей.

– Все так.

Лена оглянулась через левое плечо и удостоверилась, что кассетный магнитофон продолжает все записывать. Этот вооруженный полицейский постоянно оставался у нее на виду, причем она повернулась так, чтобы находиться от него под углом девяносто градусов – для лучшей подвижности.

Он ждал.

Лена решила, что пришло время нажать на спусковой крючок. Да, момент был подходящий. Любезности закончились. В любом случае это все равно было постановочное шоу, с

самого начала, с той самой секунды, когда она сегодня встретила с ним перед кафе «Магма-Спрингс».

– Моя сестра – художница, – сообщила Лена. – Очень талантливая. Точнее, была ею. Ее рисунки лучше, чем фотографии, потому что на фотографии получается только копия образа, а Кэмбри удавалось уловить его суть.

Улыбка Райсевика снова испарялась.

– Есть то, что она любила рисовать больше всего. Не набросок, не эскиз. Скорее, это была ее визитная карточка, фирменный знак. Мультипликационный динозавр, маленький велоцираптор¹⁰, дружелюбный и эмоциональный. Знаешь? Типа Гарфилда.

Лена на секунду прервалась – дала Райсевику секунду, чтобы он кивнул. Он не стал.

– Она рисовала его с начальной школы, тогда она хотела стать художником-мультипликатором и прозвала его динозавр Боб. Позднее, в подростковом возрасте, она рисовала его везде. Поэтому можно даже не сомневаться, что путешествуя от одного океана к другому и обратно, она нарисовала и вырезала динозавра Боба на десятках барных стульев, стволов деревьев, стенках туалетных кабинок по всей стране.

Лена на мгновение замолчала. Между ними повисла тишина.

– Рай, так откуда он взялся на заднем сиденье твоей патрульной машины?

¹⁰ *Велоцираптор* – род хищных двуногих динозавров.

Глава 6

История Кэмбри

Было жутко от того, как патрульный смотрит ей вслед, пока она на скорости уносится прочь. Он не ожидал, что его обведут вокруг пальца, но оставался спокойным. Не кричал. Не хватался за оружие и не палил по ее заднему стеклу. Он просто смотрел, как она уносится прочь в облаке пыли – в зеркале заднего вида его силуэт становится все меньше и меньше. Затем он повернулся и спокойно пошел к патрульной машине.

«Кэмбри, он поедет за тобой».

Точно. Поедет. Погоня только начинается. Но в этот миг, в 20:23, Кэмбри еще жива, выжимает педаль газа, двигатель набирает обороты, и она знает, что шанс у нее есть. Когда ее «Тойота» стоит на стоянке, она уязвима, как птица на земле, но когда Кэмбри Нгуен находится в движении? От Стеклянного пляжа до национального парка Эверглейдс, от белого песка до белого снега, мимо нее проносится мир со множеством возможностей, потому что движение – это жизнь.

И да, прямо сейчас движение – это жизнь в буквальном смысле этого слова.

«Проклятье».

Хочется врезать по рулю. Она дрожит, кажется, что по ее нервным окончаниям пробегает электрический ток – столько в ней энергии. По коже бегут мурашки. Да, да, да, это происходит на самом деле.

Что это были за костры? Четыре ритуальных костра, которые помешивал Райсевик? Она думала о них, снова и снова прокручивая увиденное в голове, и теперь у нее есть догадка. Это напоминает завершение картинка-загадки, ты ее составляешь – и перед тобой открывается большая картина. Бинобль, обгоревшая на солнце кожа, тяжелое дыхание и отчаянное желание ее поймать до того, как она вернется в город...

«Он тебя преследует».

Да, конечно, вот он. Удивляться тут нечему. Черный «Додж Чарджер» капрала Райсевики появляется в ее зеркале заднего вида. Он легко ее догнал и теперь пристраивается сзади. Полицейскому важно догнать Кэмбри. Похоже, он ее подпирает, оскалившаяся решетка на переднем бампере все ближе и ближе: было двадцать, а теперь между ними десять футов. Он уже на хвосте, и если она прямо в эту секунду нажмет на тормоза, столкновение гарантировано. Этот вариант Кэмбри обдумывает.

Дорога со щебеночно-асфальтовым покрытием. Черное полотно. Петляет между сосновыми лесами и по прериям, иногда пересекает холмы. В свете фар мелькают указатели, предупреждая о резком повороте впереди. Кэмбри снижает скорость – передние фары Райсевики еще больше и ближе.

«Если во что-то врежусь, лучше от этого не станет», – подумала Кэмбри. Райсевик, наверно, будет только рад, если она потеряет управление, «Тойота» вылетит с трассы и повиснет на каком-нибудь дереве. На этом его работа будет закончена. Он сможет поехать домой.

Вдруг она распереживалась еще сильнее.

«Он знает мое имя».

Сколько информации хранится в базах данных полиции? Все как в фильмах? Адрес Кэмбри никогда не соответствовал действительности – она слишком много и слишком часто переезжала с места на место, но если ее мелкие правонарушения или ДТП, в которые она попадала, в базе есть, то капрал Райсевик знает, что ее родители живут в Олимпии, штат Вашингтон. Если он не поймает ее сегодня вечером, то вполне может заявиться к ним и вместо нее убить родителей. Или взять их в заложники.

Пока Кэмбри не встретила ни одной машины.

Она проверяет свой телефон-раскладушку. Связи все еще нет. Шоссе пустое, но, может, ей удастся заметить подъездную дорогу, по которой можно выехать на автостраду федерального значения, которая идет между штатами и параллельно этому шоссе. На автостраде I-90 определенно будут другие водители. Ее успокаивает мысль о свидетелях. Полицейский-психопат не посмеет что-то с ней сделать на глазах у других, ведь так?

«Если он не решит убить и их».

«А вдруг решит».

Позади раздражающе замигали красные и синие огни. Он включил полицейскую мигалку на крыше. Завывала сирена. Она звучит не так, как другие сирены, которые Кэмбри слышала раньше – слишком низко, давит на уши, напоминает эхо под водой из кошмарного сна. Может, это страх затуманил ей мысли?

Странно, но она чувствует себя оскорбленной.

«Держишь меня за дуру?»

Она высовывает из окна руку и показывает Райсевику средний палец. В ответ он резко выключает сирену.

Вначале Кэмбри чувствует себя победительницей, так бывает, когда удается придумать остроумный ответ. Но это чувство проходит быстро. Он просто пошел на хитрость. Капрал Райсевик – если это вообще его настоящая фамилия – попытался в последний раз сыграть роль полицейского из дорожно-патрульной службы, воззвать к ее чувству ответственности как законопослушной гражданки. Может, это и прокатывается с другими. Но не с Кэмбри. Поэтому Райсевик решил действовать иначе.

Однако мигалку на крыше своей машины он так и не выключил. Красно-синие огни продолжают мигать, освещают дорогу не только прямо перед машиной, но и по бокам, и облегчают преследование по погружающейся во тьму местности. Этот постоянный и безжалостный источник света врывается в мысли Кэмбри, словно протыкая их иглой, и у нее начинает болеть голова. Она опускает зеркало заднего вида, чтобы не видеть блики.

Следующую милю или две они едут в полной тишине.

Она несется на скорости шестьдесят миль в час, на прямых участках, если получается, разгоняется до восьмидесяти. Она хочет ехать быстрее, но дорога слишком темная и петляет, к тому же идет то вверх, то вниз. В угасающем свете дня неожиданно возникают крутые повороты. А «Додж» Райсевика плотно сидит у нее на хвосте, в тех же двадцати футах. Мигалка так и пульсирует яркими цветами на крыше, словно сердце беззвучно отбивает удары по стеклу.

Кэмбри не останавливается, она не сделает это, ведь не дура и понимает, какая опасность ей угрожает. Она пытается думать на несколько шагов вперед. Что полицейский сделает? Ему нужно заставить ее остановиться. Может, он попытается в нее врезаться, чтобы ее машину закрутило. Может он догонит ее, поедет параллельно и выстрелит в окно. Что бы он ни придумал, ему нужно действовать быстро – у Кэмбри снова появится связь, и она дозвонится в полицию. Настоящую полицию.

«Кэмбри, время на твоей стороне», – понимает она с каким-то странным приступом боли.

«Нужно просто ехать дальше».

Быстро появляется следующий поворот – очень неудобный вираж – и ей приходится давить на тормоза и снижать скорость до сорока пяти миль в час. Ей это очень не нравится. Машина будто сопротивляется, не хочет подчиняться. Она проезжает по шумовой полосе¹¹, слышится резкий громкий звук.

«Двигайся дальше – останешься жива».

Она крепче сжимает руль. Пройдя сложный поворот, она быстро увеличивает скорость. «Додж» у нее за спиной проделывает то же самое.

¹¹ Шумовая полоса устанавливается перед опасными изгибами дороги.

Это безумие, но происходящее Кэмбри нравится. Да, время совершенно точно на стороне Кэмбри, а не Райсевика. От нее только требуется гнать, как сумасшедшей. Это погоня, но она может выйти из нее победительницей. В конце концов, через одну-две мили пути по темной дороге она все равно встретит какого-нибудь водителя, или мерцающие огни города, или магическую границу, где ее сотовый телефон поймает сигнал.

И тут на приборной панели у нее загорается лампочка низкого уровня топлива.

Часть 2

Пластикмен

Глава 7

Кэмбри Нгуен знает из опыта, что без прицепа Блейка, после того, как загорелась лампочка низкого уровня топлива, ее «Тойота» может продержаться примерно тридцать миль. Больше не получалось. На всем пути от Форт-Майерса до Фарго она всегда тщательно изучала карты, определяла свое местонахождение и никогда сильно не удалялась от населенных пунктов. Она могла потратить несколько долларов на автозаправочной станции или на парковке быстро у кого-то слить немного бензина, но она никогда не позволяла себе быть настолько неосторожной или беззаботной, чтобы допустить пустой бензобак вдали от цивилизации. И она никак не рассчитывала на то, что этот ублюдок засунет руку в окно и вытащит ее рюкзак.

Тридцать миль. Больше не проедет.

До Полк-Сити сорок две мили – судя по дорожному знаку, что она видит. Лишние двенадцать миль. Она задумалась – а какой резерв топлива у «Тойоты Короллы» 2007 года выпуска?

Тридцать миль. Плюс еще двенадцать.

Она смотрит на тускло горящий оранжевым светом индикатор уровня топлива на приборной панели. Он подсказывает, что нужно подлить бензина. Ехать в Полк-Сити очень рискованно, и Кэмбри это понимает. Если она ошиблась – хотя бы на одну милю из сорока двух – то «Королла» остановится, она окажется сидящий в машине, которую не сдвинуть с места, и Райсевич догонит ее, беззащитную. Нож не спасет. Он пристрелит ее, задушит или изнасилует. Сделает все, что планировал двадцать минут назад, когда впервые попросил ее выйти из машины.

«А может...»

Может, сотовая связь заработает раньше, и ей не придется ехать все сорок две мили? Это возможно, потому что Полк-Сити наверняка разрастается. Но это не решит ее проблему с бензином. Звонок в службу 911 не поможет, если Райсевич убьет ее на месте.

– Проклятье! – она бьет по рулю.

Патрульная машина продолжает ее преследовать. В баке «Доджа» топлива-то достаточно.

«Время не на твоей стороне, – у Кэмбри на мгновение сжалось сердце. – Совсем не на твоей».

Полицейский тем временем выключил мигалку на крыше. Может, из-за нее в темноте хуже видно? Но Кэмбри все равно немного успокаивается. Теперь мир становится четче и проще – черная ночь, фары и мелькающая дорога.

Она пытается собраться с мыслями. Минуту назад промелькнул зеленый указатель, значит, до Полк-Сити осталась сорок одна миля. Значит, на милю меньше и топлива в бензобаке. Двигатель – это тикающие часы. Сжирает оставшиеся запасы топлива каждую минуту, каждую секунду...

«Думай, – заставляет она себя. – Просто думай».

У нее вряд ли что-то получится.

Она может просто ехать дальше, вдруг ей повезет, и она проедет весь путь, оставшиеся сорок с чем-то миль до Полк-Сити. Она понятия не имеет, сколько у нее осталось топлива. Ее шансы выжить пятьдесят на пятьдесят. А может, и меньше.

«Магма-Спрингс», – вспоминает она и аж дергается. В двадцати милях. Может, теперь в двадцати пяти? Город находится прямо за ней. Сотовый телефон пока работать не будет – по

крайней мере, до тех пор, пока она не окажется на главной улице. Но бензина туда добраться у нее точно хватит. Городишко по размерам примерно как Полк-Сити. Может, даже больше. Там должен быть офис шерифа, продуктовый магазин, заправка или еще какие-то места, где могут быть живые, бодрствующие люди. Те, кто могут стать свидетелями.

– Отлично, – шепчет она.

«Если я развернусь...»

«Так, так, так...»

Приближается еще один крутой поворот – на этот раз Кэмбри так и мчится на скорости семьдесят миль в час. У нее такое ощущение, что она несется по гоночной трассе. В бардачке звенит мелочь. Она выворачивает руль, чтобы не вылететь за сплошную линию, отделяющую дорогу от обочины, и чуть не вылетает на встречную полосу.

Повернув, она увидела, что черный «Додж» продолжает висеть у нее на хвосте. Фары светят в ее заднее стекло. Как и на предыдущем повороте. Райсевик – опытный водитель, у него явно был опыт в преследовании, он прекрасно знает, как может разворачиваться погоня – он не отстал от нее ни на дюйм.

Кэмбри уже готовится развернуться, хотя не до конца продумала, как это сделать. Но она точно знает, что ехать дальше в Полк-Сити будет ошибкой. Нужно развернуться в Магма-Спрингс, где у нее больше шансов на спасение, да и расстояние до Магма-Спрингс в два раза меньше. Ей нужно нажать на тормоза и развернуться. Так, чтобы ее не поймали. И не пристрелили. И не протаранили, и не сбросили с дороги в какой-нибудь овраг.

Она решает повернуть на счет «три», будет считать точно так же, как Райсевик, который, широко улыбаясь, стоял рядом с ее машиной. Она хорошо запомнила его образ: запах изо рта, от него несло какими-то антацидами со вкусом клубники; остатки таблеток, прилипшие к его зубам; руку, которую он держал на пистолете.

– Раз, – ее ступня зависла над педалью тормоза.

Стрелка спидометра дрожит у отметки «семьдесят один». Сейчас Кэмбри притормозить не может, иначе Райсевик все поймет и вслед за ней снизит скорость. А если она станет разворачиваться слишком медленно, то Райсевик воспользуется шансом и столкнет ее с дороги. Начав разворот, Кэмбри в любом случае будет уязвима – она же повернется к нему боком.

Она представила себе картину: ее машина летит, ломая деревья, переворачивается и превращается в огненный шар...

– Два, – Кэмбри стиснула задние зубы. Зубная боль вернулась.

«Ты едешь слишком быстро».

Нет, она едет достаточно быстро.

«А если он случайно врежется в тебя сзади? И столкнет с дороги?»

Рискованно, но терпимо. Определенно, это гораздо лучше, чем остаться с пустым бензобаком в десяти милях от окрестностей Полк-Сити, встать на дороге, когда за спиной – вооруженный психопат. Повернуть обратно – лучший вариант из всех возможных. И это точно – решила она, а в это время краем глаза увидела свет фар.

«Три?»

Она боится произнести это слово вслух. Оно словно застряло в горле, как удушающий кашель. Но она приложила усилия, заставила свои губы раскрыться, и проговорила:

– Три...

...и нажала на тормоз.

Кажется, что весь окружающий мир стал на якорь. Мозг получает сигнал о столкновении, хотя столкновения не было. Визг металла, отдающийся и в левом, и в правом ухе. Тормозные колодки. Словно из ниоткуда появляется ремень безопасности, сжимает Кэмбри шею, грудь и выдавливает воздух из ее легких.

Секундная вспышка света – «Додж» резко поворачивает налево. Дальний свет вспыхнул так ярко, как будто Кэмбри внезапно осветило солнце. Нутром она чувствует, что Райсевик не сможет уклониться достаточно быстро, заденет ее сзади и повредит оба автомобиля. Но проходит секунда. Он в нее не врезался. Ее не задел. Ее «Тойота» вильнула вправо, ее занесло к обочине, слышен скрип гравия. Теперь Кэмбри выворачивает руль – все еще скользя вбок на заблокированных колесах. Машина еще раз дергается, словно произошло столкновение, хотя его на самом деле не было, Кэмбри вдавливают в водительское кресло, на заднем сиденье с шумом накрывается дорожный холодильник, затем наступает тишина. Фары освещали темные сосны.

Полная остановка.

Нет времени даже на вздох, она дергается вперед на своем сиденье, вдыхает едкий запах жженой резины, выворачивает руль вправо и вдавливают педаль газа. На некотором удалении слышится визг тормозов «Доджа», которые тоже яростно реагируют на маневр водителя. Кэмбри выворачивает на полосу, ведущую на восток и завершает разворот.

Разворот на сто восемьдесят градусов на скорости семьдесят миль в час.

– Боже праведный!

Это производит впечатление даже на ее фурий: *«Неплохо, девочка»*.

Она смахивает волосы со лба, которые лезли в глаза, и набирает скорость. Перед ней раскинулась дорога. Ее путь в Магма-Спрингс, к цивилизации, в безопасность.

Она снова поднимает глаза на зеркало заднего вида – Райсевик все еще пытается повернуть на сто восемьдесят градусов, и Кэмбри теперь видит только исчезающую во тьме заднюю часть его машины. Пятьдесят ярдов. Сто. Его реакция оказалась даже медленнее, чем она думала. Может, он разговаривал по рации или еще на что-то отвлекся? Она застала его врасплох, сделала то, что он никак не мог ожидать во время этой смертельной погони: она нажала на тормоз.

По ее ощущениям она вырвалась вперед на целую четверть мили, но тут замечает свет его фар. Он снова преследует ее. Но машина далеко, видны только маленькие точки света.

– Да чтоб тебя! – шепчет Кэмбри.

Ее воодушевила эта маленькая победа, которая воспринимается, как грандиозная. Кэмбри сменила направление, теперь едет к ближайшему населенному пункту. Это уже что-то. Она проходит следующий поворот – теперь это крутой поворот налево, и свет передних фар «Доджа» на мгновение исчезает из вида. Тут неровная местность. Кэмбри умчалась вперед довольно далеко, и теперь Райсевик пытается ее нагнать. Черт побери!

Мимо проносится блестящий дорожный указатель. В свете фар Кэмбри успевает прочитать: «МАГМА-СПРИНГС 22».

Гораздо лучше, чем она ожидала! Она может проехать двадцать две мили, и еще восемь останутся в запасе. В бензобаке «Тойоты» на это количество миль точно есть бензин. Гораздо лучше, чем пытаться дотянуть сорок две мили до Полк-Сити. Намного лучше. Но ей все равно на каждой миле придется сражаться с вооруженным преследователем, а когда он придет в отчаяние, то, вероятно, начнет стрелять. На этот случай у нее еще нет плана.

Прошло уже несколько секунд, а свет фар полицейского после поворота так и не появился. Кэмбри приходит в голову еще одна мысль – словно тихий шепот в голове:

«Ты можешь спрятаться».

Полицейский преследует ее, ориентируясь на задние габаритные огни. С такого расстояния они должны казаться ему маленькими красными точками. Все вокруг теперь погружено во мрак. Пока он ее не видит, Кэмбри может съехать с дороги, выключить фары и дать Райсевиду проскочить мимо.

«Кэмбри, давай».

Она снова увидела свет его фар. Но все еще далеко. Приближаются.

«Ладно. За следующим поворотом».

Нужно, чтобы там оказалась подъездная дорога или, по крайней мере, какой-то ровный участок – иначе она просто упадет в канаву. Это будет плохо. И еще ей нужно помнить про облако пыли, что оставляет ее машина. Помнить обо всем, что может ее выдать в свете фар проезжающего мимо автомобиля.

Слева от нее пролетает просека – высокая трава и молодые побеги. Она не успела сориентироваться и съехать.

– Проклятье!

Это место прекрасно подошло бы. Но полицейский ее видел, он просто последовал бы за ней, также съехав с дороги.

Она пообещала себе: *«В следующий раз. И никаких оправданий».*

Приближается следующий поворот. Это тот самый крутой вираж, который она проезжала несколько минут назад. Кэмбри его помнит. Она чуть не вылетела в лес. Лента шоссе несется ей навстречу, и скоро ее ждет петля, которую нужно преодолеть в ночи.

Волосы снова попали в глаза. Она их смахивает. Стрелка спидометра доходит до отметки «восемьдесят», потом «девяносто». Она непродуманно использует топливо, но сейчас так надо. Под капотом ревет двигатель, пожирая остатки бензина.

По прошлому опыту Кэмбри знает (это было всего несколько минут назад!), что этот треклятый поворот она может пройти на скорости пятьдесят миль в час и при этом не вылететь с дороги. На этот раз она попробует пройти его на шестидесяти. Пока она впереди, важна каждая секунда, чтобы без проблем съехать с дороги и спрятаться во тьме, не оставив явных следов. Пылевому облаку нужно дать еще несколько секунд, чтобы осесть. Это важно.

А вот и поворот.

Она летит на скорости шестьдесят миль в час и уже решила поворачивать по встречной полосе – чтобы кривая была как можно шире. Лобовое столкновение – это последнее, чего она боится. Дорога заворачивает, идет вниз. Она крепко держит руль – поворот уж больно крутой! – шины снова визжат, шумовая полоса издает яростный звук, напоминающий визг пилы. Кэмбри чувствует, как вибрациями этот звук отдается в стиснутых зубах. Фары опять тарашатся на искривленные стволы сосен, этакая карусель стоп-кадров. Любое дерево может превратить ее машину в огненный шар. Кажется, сосны растут всего в нескольких футах, даже дюймах. Она пытается удержать руль, крутит его вправо как можно сильнее, но двухтонная «Тойота» выходит из-под управления, а поворот все не заканчивается и не заканчивается, деревьев становится больше, еще и еще больше...

Внезапно дорога выпрямляется.

Кэмбри возвращается на свою полосу. И снова проезжает по шумовой полосе. Еще один предупредительный сигнал и стук гравия, вылетающего из-под колес. Но Кэмбри все еще продолжает движение вперед, она все еще несется по дороге, она выжила на этом дьявольском повороте. Неважно, что для этого потребовалось выехать на встречную полосу, хотя если бы по ней кто-то ехал, то столкновения не избежать – мгновенное убийство и самоубийство. Но это не имеет значения, ничто не имеет значения, поскольку это просто один из возможных вариантов, который не осуществился. Кэмбри все еще жива.

В зеркале заднего вида свет фар «Доджа» снова пропал. Наверно, полицейский прямо в эту минуту снижает скорость и проходит тот же поворот. Кэмбри пытается прикинуть, сколько же у нее есть времени.

«У тебя двадцать секунд. Максимум».

Она смотрит в обе стороны, ищет поросшую травой полянку, ровный кусок земли, что угодно, куда можно было бы съехать с шоссе и спрятаться в темноте. Она так спешит, что чуть не пропускает вариант еще лучше.

Закрытая воротами дорога.

На пыльной неширокой, частично размытой, с выбоинами обочине фары освещают потускневший белый указатель «ДОРОГА ЗАКРЫТА», который висит над запертыми металлическими воротами. Полицейский быстро догонял ее.

Все еще на скорости пятьдесят миль в час она поворачивает руль.

«Остается пятнадцать секунд...»

Кэмбри нажала на тормоз, и шины снова завизжали. Скрежет и вой резины по дорожному покрытию может ее выдать. Кэмбри надеется, что в патрульной машине окна закрыты – иначе Райсевик услышит эти звуки, даже на расстоянии четверти мили за поворотом, и поймет, что она остановилась.

Таранить ворота – самоубийство, поэтому она решает их объехать, опять крутит руль в сторону и продирается сквозь шестифутовые молодые деревья, которые нещадно бьют ее машину по бамперу. Звуки напоминают стрельбу, облаком вверх взмывают листья, будто пузырьки в газировке. На неровной земле машина сильно подпрыгивает, в бардачке звенит мелочь, часть вылетает на пол. Ремень безопасности снова сильно давит на ключицу. Кэмбри опять оказывается на дорожном покрытии, снова едет по прямой, запертые ворота остаются позади, она мчится на скорости...

«Десять секунд».

Вылетающие из-под колес камушки с шумом бьют по днищу. Высокие тонкие деревья и низкие кустарники пролетают с двух сторон. Подсвеченное красным цветом габаритных огней, пылевое облако не дает рассмотреть, что происходит сзади. Машина подпрыгивает на какой-то выбоине, опять слышится треск, что пугает ее.

Кэмбри едет вперед, дальше от основной дороги, чтобы полицейский не увидел в свете фар ее машину. Очевидно, что ей также придется отключить и свои фары, иначе он сразу ее заметит в темноте. Но вопрос: когда отключать фары?

«Пять секунд».

Она знает, что в любом случае рискует. Если остановиться слишком близко к дороге, Райсевик ее увидит, повернет и последует за ней. Если она поедет дальше и слишком долго будут включены фары, он ее увидит. Кэмбри поворачивает шею и смотрит назад на главное шоссе, вглядываясь сквозь облако пыли. Она ждет, когда свет фар «Доджа» снова появится из-за поворота, хотя напоминает себе, что если увидит его, то будет слишком поздно.

«Ноль. Время вышло».

Нет. Она еще недостаточно далеко отъехала от шоссе.

«Останови машину».

Она подпрыгивает на еще одной выбоине, в задней части что-то царапает по металлу. Кэмбри пока не может позволить себе остановиться, слишком близко к автостраде. Растительность здесь низкая и редкая, деревья тонкие. Свет фар Райсевика высветит ее «Тойоту», прячущуюся на этой ровной прерии, она окажется как на ладони.

«Кэмбри, останови машину. Выключи фары».

Она ждет еще одну секунду. И еще...

«Остановись-остановись-остановись».

Наконец она давит на педаль тормоза и, повернув ключ, глушит двигатель. Она выключает фары, и мир вокруг резко погружается во тьму. В эту микросекунду из-за крутого поворота на автостраде МТ-200 за спиной у Кэмбри появляются лучи фар преследующего ее патрульного «Доджа», пронзают тьму, как две булавки, как следы двух одинаковых падающих звезд или метеоров.

Она задерживает дыхание и ждет, погрузившись в тьму. Облако пыли добирается до «Тойоты» и проплывает мимо, посыпая крышу машины пылинками и песчинками, словно перцем. Кэмбри наблюдает, как полицейская машина повернула вдали. У Райсевика включен дальний свет, и фары сканируют покрытые травой участки, отбрасывая на кусты двигающиеся

тени, их опасный свет доходит до ее машины, касается голубой краски, безжалостно освещает силуэт «Тойоты», каждую ее деталь.

Салон машины наполнился светом – у Кэмбри внутри все сжалось. На мгновение ее приборная доска, руль, сжимающие его костяшки пальцев стали ужасающе яркими, словно освещенные слепополуденным солнцем.

Снова тьма.

Райсевик едет прямо по автостраде. В отдалении Кэмбри слышит гул его двигателя. Он едет быстро, пытаясь наверстать упущенное время.

У нее горят легкие. Страшно даже шевельнуться.

Задние габаритные огни «Доджа» внезапно освещают дорогу. Приближаясь к пересечению дорог, Райсевик снижает скорость. Он узнает дорожный указатель и ворота. Вероятно, эту местность он хорошо знает. Кэмбри охватывает паника, она сглатывает комок в горле, сжимает ключ в замке зажигания. Он ее увидел!

Теперь каждая секунда, что она ждет, – это потерянное время. Если она заведет двигатель и снова обратится в бегство, ей, возможно, удастся сохранить какое-то расстояние, уйти вперед. Если ее обнаружили, зачем ждать? Время тает, словно пороховой фитиль. Кэмбри наблюдает за снижающей скоростью патрульной машиной у перекрестка, а голос в голове твердит ей: *«Он тебя увидел. Он сейчас повернет налево. Он повернет налево и за тобой последует»*.

«Додж» останавливается.

Тишина.

«Ну, это неожиданно».

Теперь ее пальцы сжимают ключ «Тойоты», нужно всего один раз его повернуть, и двигатель проснется. Она сжимает ключ так сильно, что на ладони отпечатывается его форма. Костяшки пальцев болят, рука затекла. Кэмбри совсем чуть-чуть расслабила пальцы.

Теперь машина Райсевика стоит на середине автострады МТ-200, примерно в ста ярдах от Кэмбри. Двигатель он не заглушил, слышится его тихое рычание. Фары включены.

Кэмбри наблюдает сквозь заднее стекло. Она все еще боится даже пошевелиться. Легкие горят в груди, словно воздушные шары, наполненные горячим воздухом. У Кэмбри начинает кружиться голова, мысли плывут, но дышать она себе не позволяет. Она не может. Это как в кошмарном сне: если она начнет дышать, он ее увидит.

Еще одна мучительная минута. Ничего не происходит.

Открывается дверь «Доджа». Звук тихий, но действие пугает быстротой и внезапностью. Кэмбри кашляет, потом хватается ртом воздух, словно только что вынырнула из глубины. Полицейский выходит из машины. На фоне передних фар виден его черный силуэт. Даже издалека Кэмбри способна разглядеть те детали, которые помнит. Поля шляпы. Огромные плечи. Бочкоподобную грудь. Он просто гигант, почти бодибилдер, а в профиль он кажется еще больше. При виде его у нее стынет кровь – за ней гонится мужчина с габаритами Халка.

«Меня не засекли», – успокаивает она себя. В темноте без прибора ночного видения он ее не увидит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.